

Анастасия Алмазова

ПРИНЦЕССА ТЬМЫ для ДРАКОНА

Анастасия Алмазова

Принцесса тьмы для дракона

<https://litres.ru/74405002>

Аннотация

Мой истинный, мой дракон сжигает меня на костре. В его глазах пылает любовь... но не ко мне, а к моей сестре. Богиня судьбы дарит мне второй шанс, и я просыпаюсь за много лет до своей смерти, ещё до того, как сестра успевает отнять у меня всё. Теперь я не уступлю ей место в Академии Магии, не позволю украсть мою силу, мою жизнь и моего истинного. Пусть даже ради этого мне придётся бросить вызов семье, миру, и самому дракону, который однажды станет моей гибелью.

В тексте будет: ♥# истинный красавчик-дракон с холодными глазами и горячим сердцем ♥# сильная героиня ♥# вампиры, драконы, эльфы и т.п. ♥# магическая академия ♥# тайны, интриги, предательства ♥# счастливый финал

Содержание

Глава 1. Истинный	5
Глава 2. Надежда	10
Глава 3. Перемены	16
Глава 4. Разрушенные иллюзии	22
Глава 5. Сон или явь	29
Глава 6. Богиня	35
Глава 7. Белая кошка	41
Глава 8. Первый бал	46
Глава 9. Служанка	53
Глава 10. Воспоминания	59
Глава 11. Точка кипения	64
Глава 12. Маленькая победа	70
Глава 13. Элизабет	76
Глава 14. Цветочное кафе	84
Глава 15. Столица	89
Глава 16. Заселение	94
Глава 17. Имена	99
Глава 18. Начало занятий	105
Глава 19. Глупая	112
Глава 20. Первая попытка	120
Глава 21. Вечеринка	126
Глава 22. Страсть и жажда	132
Глава 23. Утро после	137

Глава 24. Предательство любви	142
Глава 25. Слухи	148
Глава 26. Ритуал	155
Глава 27. Хаос	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Глава 1. Истинный

— Какая к черту истинная?! — разъяренный мужской голос пробился сквозь крики толпы. — Ты убила столько людей ради своего удовольствия и ещё смеешь что-то говорить? Думаешь, сможешь задурить мне мозги?

Голубые искры магического огня обжигали кожу, руки были связаны, а в спину безжалостно вбивалась жёсткая солома. Меня действительно собирались сжечь. Сжечь, как обычную преступницу. А ведь это был он, мой истинный, тот, чьё присутствие я почувствовала с первого же взгляда. Его пламя должно было стать моим спасением, но теперь оно собиралось меня уничтожить.

Я смотрела на мужчину, не в силах поверить. Взгляд дракона был холоден и ярок, как раскалённое железо. Его глаза, такие родные, такие невозможные, светились решимостью.

Почему? За что?

Всего час назад я была в своей оранжерее, среди шелеста страниц старинных книг и тихого стрекота моих ядовитых бабочек. Я не покидала территорию королевского дворца уже много десятилетий, и вдруг — обвинения, цепи, костёр. Нонсенс. Глупый, нелепый сон, от которого хотелось проснуться.

От отчаяния я закричала, пытаюсь перекричать треск огня и рев толпы:

— Мы истинные! Да послушай же ты меня! Я никого не убивала! Я никогда не покидала дворец, я... всю жизнь только и делала, что готовилась занять трон!

Мой голос охрип, сорвался. Где-то глубоко внутри поднялась волна ярости — горячей, разрушающей. Мне хотелось вырваться, доказать, заставить его вспомнить то мгновение, когда наши души узнали друг друга. Но вместо силы ко мне пришли слёзы. Слёзы унижения и боли.

Меня, наследницу вампирского трона, хотели сжечь на костре за преступления, которых я не совершала. Я чувствовала себя абсолютно жалкой. Вся моя жизнь — долг, честь, кровь и репутация — рушилась на глазах. Двести лет безупречной жизни... ради чего? Чтобы умереть позорно, униженно, в окружении тех, кто даже не попытался выслушать?

Я смотрела по сторонам, и видела на каждом лице лишь ненависть. Ни капли сомнения, ни проблеска сострадания. Только жажда крови. Никто мне не верил.

Около костра стояло человек двадцать, и все они были готовы увидеть, как я превращусь в пепел. Но то, что я увидела через секунду, заставило забыть о любой физической боли.

Среди них стояла она, моя младшая сестрёнка. Та, ради которой я не раз спорила с отцом в детстве, защищала, когда она плакала из-за мелочей. Мой родной человек... и сейчас она смотрела с таким холодом, будто никогда меня не знала.

А затем снова заговорил он — мой палач, мой истинный. Его голос был низким, хрипловатым, пропитанный огнём

и яростью:

— Как ты смеешь произносить это своим грязным ртом? Всем давно известно, что мы истинные с твоей сестрой. Ты издеваешься над ней всю жизнь, и даже смерть не может остановить тебя? Ты чудовище, — его слова обрушивались на меня, как раскалённые камни, не оставляя ни шанса на оправдание.

Воздух застыл в лёгких, став тяжёлым и безжизненным.

«Истинные... с моей сестрой?» — этот вопрос прозвучал внутри, разрывая сердце на части.

Этого не может быть. Я чувствовала — нет, я была уверена — что его сердце бьётся только ради меня. Этот ритм, эта пульсация магии, это притяжение между нашими душами, его невозможно было подделать. Никакая ложь, даже произнесённая с убеждённостью, не могла заглушить зов истинных.

Мир словно перевернулся, и всё, во что я верила, вдруг стало ложью.

«Издевалась над ней?» — его обвинение всё ещё звучало в голове. Смешно. С самого детства я была занята учёбой, обязанностями, бесконечными уроками этикета и магии крови. В последнее время, мы разговаривали с сестрой всего несколько раз в год, на холодных семейных приёмах.

Я подняла глаза, и встретила с ней взглядами. Моя младшая сестра. Когда-то милая, капризная девчонка с улыбкой, за которую я прощала ей всё. Теперь передо мной

стояла чужая девушка. Она торжественно улыбалась, как актриса, уверенная, что весь зал принадлежит ей.

Она вышла вперёд, и по её лицу покатались наигранные слёзы, идеально блестящие в отблесках пламени.

— Дорогой, — произнесла она с тонкой дрожью в голосе, обращаясь к моему дракону, — видишь? Как я могла противостоять такому монстру, как она? Её дар в тысячу раз сильнее моего! Она прошла подготовку королевской гвардии... сейчас, наверное, тянет время своими глупыми разговорами, чтобы сбежать! Даже родители купились на её притворство, но мы должны спешить, пока они не пришли и не спасли убийцу! После того как её не станет, мы всё им объясним. Они поймут, почему мы так поступили!

Она произносила ложь с такой лёгкостью, словно репетировала её заранее. И самое ужасное — ей верили.

Толпа взревела, как единый организм:

— Сжечь её!

— Она убила моего сына!

— Она зло воплотилась! Сжечь монстра!

Я смотрела на них и чувствовала пустоту. Ни ярости, ни страха — только холод. У меня больше не осталось сил бороться. Они не хотели слышать правду. Им нужна была кровь, и моя сестра дала им повод. Как глупо, как до ужаса глупо.

Когда истинный подошёл ко мне, я не отвела взгляда. Его глаза всё ещё горели, но теперь в них мелькнуло что-то

странное — едва заметная тень сомнения, словно его душа засомневалась под тяжестью огня. Уголки моих губ дрогнули в лёгкой улыбке, а взгляд оставался прикованным к нему.

— Меня зовут Алисия, — произнесла я спокойно. — Запомни это.

Он замер. Лишь на миг. А затем пламя сорвалось с его рук, и мой мир погрузился во тьму.

Глава 2. Надежда

Я не знала, сколько пробыла в этой тьме — бездонной и вязкой, что пожирала мою плоть и разум. Но сквозь её всепоглощающую пустоту пробивался шёпот. Тихий, но отчаянно настойчивый. Я не могла разобрать слов, но чувствовала — он звал меня. Звал настойчиво, будто боялся, что я растворюсь окончательно.

А затем появился свет.

Он ворвался внезапно, резкий, нестерпимо яркий. Я вдохнула, хрипло, с отчаянием того, кто слишком долго не дышал. Воздух показался живым, плотным, сладким от аромата лаванды и сухих лепестков роз.

Я вскрикнула и рывком села в постели. Некоторое время просто смотрела вокруг, моргая, привыкая к свету. Всё вокруг было... моим.

Шёлковые занавеси, колышущиеся от лёгкого сквозняка. Зеркало в резной раме с тонкими узорами, которые я когда-то сама зачаровала от трещин. Стопка книг у кровати, раскрытая на закладке из алой ленты. Клетка у окна, где мерцали кровавые бабочки — мои маленькие хранители, сотканые из магии.

Из окна виднелась оранжерея — прозрачный купол, залитый мягким светом магических ламп. В их сиянии листья казались живыми, будто дышали.

Я дома.

Неужели всё, что было оказалось лишь сном?

Дыхание сбивалось, сердце колотилось так яростно, будто в груди по-прежнему бушевало пламя. Каждое его биение отдавалось болью в висках. Пальцы дрожали, и я опустила взгляд на руки. Бледные, почти прозрачные, с едва заметным серебряным отблеском на коже. Никаких ожогов. Ни единого следа огня, будто его никогда не существовало. Только глухая, тянущая боль под рёбрами, похожая на воспоминание о старой ране.

«Это был сон», — подумала я, но мысль застряла, словно наткнулась на стену. Слишком отчётливо я помнила жар, опаляющий кожу, вкус пепла на языке, запах крови и дыма. И — глаза. Те самые. Холодные, безжалостные, но в самой их глубине горело что-то ещё, что-то, что я боялась назвать.

Истинный.

Я зажмурилась, но картина произошедшего перед глазами не исчезла. Всё внутри меня кричало, что это было. Что я умерла.

Я сжала простыню, впиваясь ногтями в тонкую ткань, как будто могла ухватиться за реальность, пока она не рассыпалась.

— Нет... — шепнула, не узнавая собственного голоса. Он звучал так, будто принадлежал призраку.

Вскочив, я бросилась к зеркалу. Мои босые ноги скользнули по холодному полу, и на секунду мне показалось, что я

снова падаю, в ту самую тьму. Но я удержалась, вцепившись в резную раму. Из отражения на меня смотрела я — та же, и не совсем.

Кожа бледная, как всегда. Глаза — чуть темнее, чем раньше, словно в них поселился отблеск чужого пламени. Но не это заставило меня онеметь. На шее не было метки — татуировки, что я получила в день официального представления императору. Метки, подтверждающей мою принадлежность к будущим правителям.

Я провела пальцами по коже, где она должна была быть, и дрожь пробежала по телу. Пусто.

Пальцы невольно коснулись пряди волос. Розовой и длинной. Намного длиннее, чем я помнила. Я подняла её, и холод пробежал по спине. Примерно такой длины они были... пятьдесят лет назад.

Я застыла. Тогда моя сестра как раз поступила в Академию Магии, а я осталась дома, под надзором наставников, училась, скучала, завидовала ей. Волосы вечно мешались, падали в глаза, и я с раздражением отрезала их почти до плеч. С тех пор — всегда коротко.

Но сейчас всё было иначе.

Сердце пропустило удар.

Я метнулась к письменному столу, выдвинула ящик и достала старый, потёртый дневник в кожаном переплёте. На обложке — мои инициалы, потускневшие от времени. Перелистнула несколько страниц, чувствуя, как дрожат руки. По-

следняя запись...

Пробежав глазами по строчкам, я лишь убедилась в своём страшном предположении.

— Это невозможно, — прошептала я.

Почерк был мой — ровный, сдержанный, словно я тогда пыталась спрятать чувства между строк. В коротких, почти сухих предложениях я писала о разговоре с отцом, о том, как он сообщил мне о зачислении в Академию Магии. Тогда я, без особого сожаления, решила уступить это место сестре, ведь она так мечтала попасть туда. Мать одобрила решение с облегчением, хотя и пыталась скрыть это за жалкой улыбкой. Она всегда хотела, чтобы именно младшая представляла нашу семью в обществе — яркая, лёгкая, улыбчивая, в отличие от меня. Я никогда не умела блистать.

В груди вспыхнула знакомая боль — злость, обида, то горькое разочарование, которое я чувствовала в тот день.

Я пролистнула ещё несколько страниц дневника, все они датировались пятьюдесятью годами назад.

Мир вокруг на мгновение померк.

В горле пересохло, а пальцы онемели, будто я коснулась чего-то невозможного. И тогда до меня наконец дошло.

Я переместилась назад. В прошлое.

Как? Почему? Что за сила могла вернуть меня на полвека назад?

Ноги подкосились, и я упала на колени прямо на холодный пол. Я зажмурилась, и тут же, будто в отместку за эту попыт-

ку спрятаться, в темноте под веками вспыхнули два пронзительных пятна — глаза. Яркие. Глубокие. Голубые, как зимнее небо.

Мой истинный.

Я резко вдохнула, чувствуя, как в груди сжимается что-то болезненно живое. Почему он меня не почувствовал? Ведь драконы так же, как и вампиры, чувствуют зов своей истинной половины — чувствуют сердцем, магией, кровью. Это связь, которую не разорвать, не забыть, не предать.

Он должен был знать. Должен был спасти.

— Почему?... — сорвалось с моих губ почти беззвучно.

В ответ — тишина. Только мерцание света за окном и гул крови в ушах.

Я опустила голову, и мысли хлынули потоком. Что произошло за те годы, пока я пыталась оправдать ожидания родителей? Пока я изо дня в день доказывала, что достойна носить корону, быть сильной, холодной, правильной? Чем в это время занималась сестра, которой я отдала всё, о чём когда-то мечтала?

И почему теперь мой истинный — мой дракон — говорит, что они пара? Что все вокруг считают их неразлучными?

Я сжала кулаки. Всё это не укладывалось в голове. Поведение сестры, нелепые обвинения, его равнодушие... и это безумное перемещение на пятьдесят лет назад.

Что это было? Проклятие? Чья-то магия? Или сам мир решил дать мне второй шанс — шанс изменить прошлое, в

котором я погибла?

— Что за абсурд... — прошептала я, чувствуя, как голос дрожит.

Но где-то глубоко внутри, под страхом и растерянностью, зашевелилось другое чувство — слабое, но упрямое. Надежда.

♥#♥#♥#

Дорогие читатели! Спасибо, что нашли время для моей истории!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение, ставьте звездочки — это огромная поддержка. ★#
Подписывайтесь на меня, и тогда мы точно не потеряемся:
<https://litnet.com/shrt/ihTo>

Глава 3. Перемены

Немного успокоив дыхание и мысли, я вновь огляделась вокруг.

День только начинался. Небо за окном было залито мягкими красками рассвета — перламутровыми, нежно-розовыми, словно сама природа пыталась убедить меня, что всё в порядке. Что я действительно жива.

Обычно в это время я уже поднималась с постели, выходила на стадион и делала несколько кругов пробежки, чтобы привести тело в тонус. После — час тренировок с мечом. Каждый мой день был расписан по минутам: тренировки, уроки, отчёты для наставников. Строго, правильно, без места для лишних эмоций или глупых мечтаний. Я привыкла жить в режиме идеальной дисциплины, ведь именно этого от меня всегда ждали.

Сегодня же я даже не могла заставить себя подняться с холодного пола, на который упала. Мысли о привычных правилах казались нелепыми. Что мне теперь делать с распорядком, с этими тщательно выстроенными границами, если весь мой мир сгорел, буквально?

Сжигание заживо сломало меня. Оно выжгло убеждения, которыми я жила. Все мои установки — быть правильной, сильной, достойной — рассыпались в пепел, как и я сама. И, странное дело, в этом я впервые за долгое время почувство-

вала свободу.

Я больше не могла быть той, кем была.

И, возможно, именно теперь, когда всё разрушено, у меня наконец появился шанс понять, кто я есть на самом деле.

Надев лучшее платье и тщательно уложив волосы, я ещё раз посмотрела на своё отражение.

Слишком бледная, слишком спокойная, будто ничего не произошло.

Я выпрямилась, взяла себя в руки и направилась вниз, в изумрудную залу. Именно там каждое утро собиралась семья, чтобы позавтракать вместе, соблюдая старинные традиции. Только я почти никогда не разделяла этих трапез, появлялась лишь по особым случаям, когда требовал этикет или отец лично приказывал.

Сегодня, решила я, тоже особый случай.

Ступая по мраморным ступеням, я чувствовала на себе взгляды прислуги. Они шептались, переглядывались, будто видели меня впервые. И, пожалуй, в каком-то смысле это было правдой — я действительно уже не была той, прежней.

Я распахнула двери залы, и разговоры мгновенно стихли.

Семья подняла глаза, и удивление на их лицах стоило того.

Отец, как всегда, оставался невозмутим. Лишь слегка приподнял бровь, что по его меркам равнялось буре эмоций.

Мать, наоборот, едва не выронила чашку, глядя на меня так, словно перед ней стояло чудо света. А сестра... ах,

сестра смотрела с тем самым выражением — смесью изумления, раздражения и скрытой ревности. Я поймала её взгляд и внутренне усмехнулась.

— Доброе утро, отец, матушка, — я произнесла ровно, соблюдая все рамки приличия, и, как положено, слегка поклонилась.

Отец ответил коротким кивком. Мать попыталась улыбнуться, но на её лице застыло что-то натянутое, неестественное.

Затем я перевела взгляд на сестру, ожидая от неё подобающего приветствия. По всем правилам этикета, она, как младшая, обязана была первой выразить уважение. Но, конечно, сестра никогда не позволяла рамкам приличия управлять собой. Избалованная вниманием и похвалами, она просто осталась сидеть, держа чашку в руке, и рассматривала меня с нескрываемым любопытством, словно перед ней стояла редкая диковина, а не старшая сестра.

Раньше я, вероятно, закрыла бы на это глаза. Отмахнулась бы, как делала всегда, лишь бы избежать конфликта, но теперь, после предательства и её лживых слез, я решила стоять на своём.

Я осталась стоять около стола, не произнеся ни слова. В зале стало тихо, настолько, что я слышала, как трепещет пламя свечей.

Сестра нахмурилась, явно не понимая, чего я от неё жду. Лишь, когда мать незаметно толкнула её под столом, она со

вздохом, полным притворного страдания, поняла.

Медленно поднялась, всем своим видом показывая, насколько её задевает моё «высокомерие».

— Доброе утро, дорогая сестра Алисия, — произнесла она скороговоркой, так быстро и скомкано, что слова почти слились в одно.

Я позволила себе лёгкую улыбку. Холодную, вежливую, отточенную годами светских игр.

— И тебе доброго утра, дорогая сестра Летиция, — ответила я с безупречной учтивостью, словно не слышала яда в её голосе.

Официальная часть была завершена. Я плавно опустилась на своё место, по левую руку от отца, как и подобало наследнице. Летиция же, раздражённо выдохнув, снова села, и слышался лёгкий звон посуды.

Пока слуги приносили блюда, в зале царила тишина. За завтраком разговаривать было запрещено — старый семейный обычай, который отец оберегал с маниакальной точностью. Металлические приборы звенели о фарфор, и этот ритм странно успокаивал.

Я краем глаза взглянула на сестру. Она сидела около матери, с идеально прямой спиной, но губы её нервно подрагивали.

Летиция всегда была светом, к которому все тянулись. Душа компании, баловница судьбы. Её любили все: и учителя, и друзья, и те глупые мужчины, что бегали за ней на балах.

А я... Я была её противоположностью. Тенью. Наблюдала издалека, как она кружится в танце, и думала, как легко ей достаётся то, чего я не могу получить, сколько бы ни старалась.

С самого детства меня готовили к иному пути. Престол, долг, честь рода — слова, что впитывались в меня с первого вдоха. Меня учили быть оружием, а не человеком. Первый меч я подняла в четыре года, едва научившись держать равновесие, а в восемь уже изучала смертельные яды, не моргая, когда наставник капал их на мою кожу.

Единственной моей слабостью, единственной отрадой были мои питомцы — кровавые бабочки. Маленькие, хрупкие создания, рождённые из капли моей крови и магии. Их крылья сияли глубоким рубиновым светом, когда они летали по комнате, и тихо мерцали в темноте, словно дыхание моей души.

И всё же, когда я смотрела на сестру, я не чувствовала ненависти. Скорее — непонимание. Она казалась мне хрупкой, беспечной бабочкой, порхающей над раскалённым пламенем мира. Безобидная, прекрасная, бесполезная... такая, какой я никогда не могла быть.

И всё же именно ей я уступила своё место в Академии. Добровольно. Тогда это казалось мелочью — одним шагом назад ради семьи.

— Пусть идёт, — сказала я тогда отцу, стараясь не смотреть на мать. — Она хочет этого больше.

Он промолчал. Только кивнул.

Мать же одобрила решение с облегчением, хотя и пыталась скрыть это за жалкой улыбкой. Она всегда хотела, чтобы именно младшая представляла нашу семью в обществе — яркая, лёгкая, улыбчивая, в отличие от меня. Я никогда не умела блистать. Слишком похожая на отца, слишком упрямая, слишком неправильная.

Теперь же я решила выбрать другой путь, и потому, когда трапеза подошла к концу и отец, как всегда, первым нарушил тишину, я не удивилась, услышав его слова:

— Алисия, пришло приглашение из Академии Магии.

Глава 4. Разрушенные иллюзии

Как только отец произнёс это, я заметила, как глаза матери и Летиции вспыхнули жадным, почти хищным огнём. Они обменялись быстрыми и многозначительными взглядами. В прошлый раз, пятьдесят лет назад, я, кажется, этого не замечала. Тогда мне было всё равно на их интриги, на эти вечные дворцовые игры. Я просто не обращала внимания.

Теперь же, я видела все ясно. Они обсуждали это заранее. Строили планы, делили мое место.

В груди кольнуло. Лёгкая боль, как от старого шрама, напомнила о себе.

Да, неприятно было осознавать, что даже сейчас мать так явно выделяет только одну дочь. Но разве это новость? Так было всегда.

Это чувство быстро прошло, уступив место тихому, выученному разочарованию. Я уже привыкла к нему, как к неизбежной части себя.

Отец, убедившись, что я услышала и поняла сказанное, продолжил. Его голос, низкий и спокойный, как всегда звучал безупречно уравновешенно.

— Как ты знаешь, — начал он, — от каждого королевства в Академию Магии направляют наследников. Это традиция, которой следуют веками. Но я не стану тебя принуждать. Если тебе привычнее продолжать обучение с наставниками на-

шего дома, я не буду возражать. Однако... — он сделал паузу, поднимая на меня взгляд, — я был бы рад, если бы ты поступила в Академию. Это новые связи, новые возможности. Расширение кругозора, которого ты не получишь, оставаясь в пределах дворца.

Каждое его слово было знакомо до боли. Всё это я уже слышала когда-то.

Только тогда я не вслушивалась в смысл. Меня больше занимало, как совместить личные занятия с академической программой, и сколько часов сна мне придётся пожертвовать.

Я грустно улыбнулась своим мыслям. Какая же я была глупая.

Всё время пыталась подстроиться, вписаться, заслужить одобрение, и при этом даже не заметила, как мир вокруг начал рушиться.

Теперь я знала, что все ответы именно там, в Академии.

И каким бы ни был этот новый путь, я больше не собиралась от него отказываться.

Я уже открыла рот, чтобы спокойно и уверенно ответить согласием, но в тот же миг что-то словно оборвалось внутри. Резкая волна слабости накрыла меня — тело предательски ослабло, руки чуть дрогнули. Я сжала пальцы на коленях, стараясь удержать самообладание.

И именно в этот момент, меня опередили.

— Дорогой, — голос матери, мягкий и сладкий, как тёп-

лый мёд, разлился по залу. — А почему бы не отправить в Академию Летицию? Алисия ведь всегда так занята, ей это, возможно, будет только в тягость. — Она нежно коснулась руки отца, словно пытаясь направить его мысль лёгким прикосновением.

Я подняла взгляд.

Мать смотрела на него так, как всегда умела — покорно, ласково, но в её глазах блестела холодная сталь.

Она прекрасно знала, как достичь желаемого.

И, разумеется, следом заговорила Летиция.

— Верно, отец, — подхватила она быстро, не скрывая довольной улыбки. — Я ведь всегда мечтала поступить туда! — Её голос звенел фальшивой радостью. — Уже даже заказала несколько комплектов формы, — она хихикнула, будто это было нечто весёлое и безобидное. — Я могла бы представлять нашу семью, строить связи, а сестра продолжит своё обучение. Так ведь всем будет проще?

Я слушала их молча.

Всё повторялось. Точно так же, как тогда, даже интонации были те же.

Отец нахмурился. Его взгляд скользнул между нами, задержавшись сначала на матери, затем на сестре, и, наконец, остановился на мне.

Холодные красные глаза встретились с моими, и я поняла: он ждёт.

Последнее слово было за мной.

В воздухе повисла тишина, натянутая, как струна.

Мать и сестра выглядели до смешного спокойными. Их уверенность бросалась в глаза, будто решение уже принято, будто я, как и прежде, уступлю, опущу взгляд и соглашусь с их планом. И, что самое обидное, когда-то они были правы.

В прошлый раз я действительно поддалась. Послушала их доводы, отдала право выбора, позволила им решать за меня, и именно это привело меня к смерти. Но теперь всё было иначе.

Я больше не собиралась умирать. И не собиралась жить по их сценарию.

Я глубоко вдохнула, стараясь скрыть дрожь в руках. Слабость всё ещё сковывала тело, но я подняла голову и постаралась улыбнуться.

— Матушка, сестра, — начала я мягко, почти благодарно. — Я признательна вам за заботу обо мне.

На мгновение я замолчала, позволив им насладиться собственной мнимой победой.

Их лица засветились торжеством. Летиция чуть заметно выдохнула, уже думая, что всё решено, а мать сложила руки на столе, довольная собственной хитростью.

И тогда я сломала их иллюзию.

— Но не стоит так беспокоиться, — сказала я спокойно, даже ласково. — Я хочу поступить в Магическую Академию. Отец, я принимаю приглашение.

Сестра моргнула, не сразу осознав смысл сказанного, а по-

том её губы исказились, будто от боли. В глазах мелькнула злость, такая явная, что я почти услышала, как она сжала зубы.

Мать же лишь поджала губы, стараясь сохранить достоинство, но пальцы на бокале выдали раздражение — слишком сильный нажим, хруст тонкого стекла.

И, к собственному удивлению, я ощутила удовольствие. Холодное, спокойное, мстительное.

Отец же впервые за долгое время позволил себе улыбнуться.

— Я рад этому, Алисия, — произнёс он с лёгким кивком. — Это верный выбор.

И на этом всё могло бы закончиться, если бы не Летиция.

— Отец... а как же я? — её голосок задрожал, почти сломался, будто она вот-вот расплачется.

Я едва сдержала усмешку. Ей бы играть на сцене, в роли обиженной невинности она была безупречна.

Отец хмуро посмотрел на неё.

— Тебе это ни к чему, — отрезал он.

Сестра всхлипнула, но ответить не успела — мать тут же вступилась, её голос впервые за весь завтрак прозвучал резче, чем следовало:

— Дорогой, как же так? Это ведь мечта нашей девочки! А Алисия... — она бросила на меня злой, многозначительный взгляд, — Алисия может и уступить.

Я поймала этот взгляд и внутренне усмехнулась. Когда-то

я действительно уступила. Но теперь я не собиралась снова терять всё. Не собиралась лишаться своей судьбы. И уж тем более — своего истинного.

Отец резко повернулся к матери. Его голос стал стальным, холодным, лишённым всякого сочувствия.

— Алисия — наследница. И это её место. Не лезь туда, куда не следует.

Мать вздрогнула. Её надменность исчезла в одно мгновение, оставив лишь тень испуганной покорности.

Он, помолчав, чуть смягчился и добавил уже спокойнее: — Я узнаю, что можно сделать. Иногда от королевства отправляют не только наследников.

Отец поднялся из-за стола, выпрямив спину, как всегда, до идеальной линии, и направился к выходу.

— Разговор закончен, — бросил он на прощание.

Я чувствовала на себе взгляды — острые, ядовитые, будто тонкие иглы, вонзающиеся между лопаток. Но не дала им ни секунды преимущества.

Не дав матери и сестре вставить ни слова, я поднялась и вышла следом за отцом, не оборачиваясь. Воздух за дверью был прохладным, но в груди всё ещё пульсировало напряжение.

Да, всё прошло благоприятно. Я добилась своего. Но от осознания, что отец всё же собирается рассмотреть вариант для Летиции, внутри стало тревожно.

Голова гудела — от усталости, напряжения, от всех вос-

поминаний, что с новой силой поднялись из глубин памяти. Перед глазами всё плыло.

Я ускорила шаг. Хотелось поскорее добраться до своей комнаты, закрыться, упасть на кровать.

Каждый шаг отдавался болью в висках, глаза жгло, будто их коснулся огонь. Я знала это чувство. Тело вспоминало смерть.

Глава 5. Сон или явь

Я чувствовала, как подкашиваются ноги, но упрямо шла вперёд. Стены теряли очертания, золотые рамы расплывались перед глазами, узоры на ковре казались движущимися, живыми.

Надо было дойти. Всего несколько поворотов. Всего один пролёт лестницы.

Рука скользнула по перилам, пальцы дрожали, как после долгой дуэли. Я почти не видела дороги перед собой, только свет — мягкий, золотистый, льющийся из приоткрытой двери в конце коридора. Моя комната. Мой островок покоя.

Когда я, наконец, добралась, силы просто покинули меня. Дверь ударилась о стену — я вошла, скорее ввалилась, чем переступила порог. Мир качнулся. Воздух стал вязким, тяжёлым, как перед грозой.

Я ухватилась за край туалетного столика, но пальцы соскользнули, и всё поплыло, закружилось, смешалось в одну размытую спираль. Я даже не смогла дойти до кровати, просто упала на пороге. Холод каменного пола приятно обжёг кожу, и на миг я ощутила странное облегчение.

А когда я открыла глаза — всё изменилось.

Я находилась в саду. Но не в нашем, этот был... живым. Настоящим воплощением чуда. Вокруг пел ветер, листья шептали мелодию, а где-то совсем рядом журчал водо-

пад, спадая серебряными нитями в прозрачное озеро. Воздух был наполнен ароматом цветущих деревьев, и где-то вдалеке пробивались солнечные лучи, мягко касаясь травы.

Всё вокруг ощущалось слишком реальным, чтобы быть сном. Воздух будто дышал вместе со мной — плотный, наполненный магией, давящий на грудь так сильно, что я едва могла сделать вдох. Пространство словно сопротивлялось моему присутствию. Я не должна была тут находиться.

Перед глазами всё поплыло, и я пошатнулась, чувствуя, как снова теряю сознание. В тот самый миг пространство передо мной дрогнуло, и из воздуха появилась женщина. Просто возникла, словно всегда была здесь и лишь позволила мне её увидеть.

Увидев, в каком я состоянии, она мгновенно сократила расстояние между нами. Её движения были плавными, почти нереальными, как у тени, скользящей по воде. Она протянула руку и легко коснулась моего плеча.

Прикосновение было невесомым, но я ощутила его так, будто по мне прошёл мягкий удар молнии. В одно мгновение из тела ушла слабость, разум прояснился, дыхание стало лёгким. Всё давление исчезло, уступив место странному ощущению тепла и ясности.

Я подняла взгляд, и едва не ахнула.

Она была... прекрасна. И пугающе нереальна.

Высокая, с осанкой, которая выдавала в ней величие, не нуждающееся в словах. Длинные, густые, чёрные как ночь

волосы ниспадали почти до пят. Но самое странное — её глаза. Точнее, их отсутствие.

На лице женщины была кружевная повязка, чёрная, изящная, сплетённая из тончайших нитей и украшенная живыми цветами. Это зрелище одновременно завораживало и тревожило.

— Кто вы? И может, вы знаете, что это за место? — выдохнула я, и даже мой голос здесь звучал непривычно — тонко, звонко, как у испуганного ребёнка. Мне стало неловко от этого, будто само место лишало меня привычной силы и достоинства.

Женщина едва заметно улыбнулась. Улыбка её была мягкой, но в этой мягкости сквозило что-то древнее, опасное, как у хищника, который ласково наблюдает за добычей.

— Ох, дитя, — её голос отозвался в пространстве, словно эхо, переливаясь в воздухе серебряными нотами. — Меня зовут по-разному, не думаю, что хоть одно из этих имён что-то скажет тебе. А место, где ты сейчас, — мой сад. Мой личный уголок за гранью времени. Я захотела тебя увидеть... и позвала.

Слова звучали спокойно, но в них чувствовалось нечто древнее и необратимое. Я всё ещё не могла понять, как попала сюда, и почему всё вокруг, от лепестков на воде до самого света, будто подчинялось ей.

Она сделала шаг ко мне, и я невольно напряглась, но в её улыбке не было угрозы. Лишь тихая, почти материнская

печаль.

— Но прежде чем мы поговорим о причине твоего визита,
— продолжила она, — я должна извиниться.

— Извиниться?.. — я не сразу поняла, что не ослышалась.
— За что? Я ведь... я вас раньше никогда не встречала.

— За то, что потревожила твою душу, — сказала она мягко, — и обратила время вспять.

Мир будто замер. На мгновение я перестала дышать. Сердце сжалось, и я поняла.

Это она. Та, кто вернула меня назад. Та, благодаря кому я снова жива.

Я была шокирована таким откровением, и смогла на это лишь еле слышно прошептать:

— Зачем?..

Её улыбка исчезла. Лицо стало серьёзным, почти скорбным.

Небо над нами потемнело, словно откликнувшись на перемену в её настроении, а свет в саду начал угасать, уступая место тревожной тени. Цветы вокруг опустили лепестки, а воздух стал тяжелым, наполненным грозой.

— В твоём мире происходит кое-что отвратительное, — произнесла она тихо, но в её голосе прозвучала такая сила, что земля под ногами будто колыхнулась. — То, что неприемлемо даже с точки зрения богов. И мне нужна твоя помощь, Алисия.

Я растерялась, не зная, как реагировать. Слова будто по-

висли между нами, тяжёлые, непонятные.

— Почему именно я?.. И что вообще происходит? — спросила, и мой голос прозвучал глухо, почти безжизненно. Внутри всё сжималось от непонимания.

Женщина задумчиво улыбнулась, не добродушно, а так, будто уже знала мой вопрос задолго до того, как я его задала.

— Я долго выбирала, искала того, кто способен исправить все, но один раз я уже ошиблась. Первый раз я избрала не того человека, и он... встал на сторону тьмы. — Её голос стал тише. — Теперь же, после этой неудачи, я выбрала тебя, и надеюсь, что ты не подведёшь.

Я не первая?

В голове вихрем пронеслись мысли, одна страшнее другой. Но я не успела задать ни одного вопроса. Она, словно читая мои мысли, ответила раньше, чем я открыла рот.

— Это не тайна, — сказала она спокойно, но её слова отозвались во мне гулом. — Первым был твой истинный.

Я замерла. Сердце забилось как сумасшедшее.

— У него был высокий потенциал, — продолжала она, будто не замечая моего состояния, — но он запутался. Потерялся во лжи, в чужих интригах. Он выбрал неверный путь... И теперь без тебя он не справится. Ты необходима ему, Алисия.

Истинный...

Его образ вспыхнул в памяти так ясно, будто он стоял передо мной. Прекрасный. Опасный. Слишком совершенный,

чтобы быть реальным. Я помнила каждый изгиб его лица, холодный блеск глаз, глубокий, как штормовое небо перед бурей. Этот взгляд заставлял моё сердце трепетать.

Но стоило вспомнить его слова — жестокие, недоверчивые — и всё очарование рушилось. Перед внутренним взором вспыхнула сцена предательства, и грудь пронзила боль. Он не поверил мне.

Он убил меня.

Глава 6. Богиня

Я глубоко вдохнула, пытаюсь усмирить свое сердце.

Если я действительно получила второй шанс, то не позволю прошлому сломать меня снова.

Собравшись, я спросила:

— А с чем... нужно справиться? Что в этом настолько ужасного, что даже... богиня вмешалась? — слова сорвались с губ сами собой. Это звучало безумно, но всё во мне подсказывало, что я права.

Женщина слегка приподняла уголки губ, её улыбка стала мягче, почти одобрительной.

— А ты умна, дитя, — произнесла она с лёгким восхищением. — Теперь я не сомневаюсь, что выбрала правильного человека. Или, может, мне стоит сказать... правильную вампиршу?

Я чуть напряглась, но она лишь махнула рукой, будто извиняясь за прямоту.

— Хотя вы и разные, вы всё равно остаетесь людьми. Пусть ваши сердца бьются иначе, суть у вас одна.

Она сделала шаг ближе, и воздух вокруг словно задрожал, наполнившись тихим, вибрирующим звуком, похожим на дыхание самой магии.

— Но оставим философию, — продолжила богиня, и её голос стал строже. — Пора перейти к делу. Твоя задача —

остановить душу, что пала во тьму и использует её силу, чтобы разрушить порядок между жизнью и смертью.

От её слов по коже побежали мурашки.

— Разрушить порядок... — повторила я почти шёпотом, и сердце испугано сжалось.

Я знала, что это значит.

В нашем мире было строго запрещено даже приближаться к магии, касающейся грани смерти. Нарушение этого равновесия каралось не просто смертью — душа преступника исчезала навеки.

Я передёрнула плечами.

— Это... невозможно, — выдохнула я. — Никто не посмел бы так далеко зайти.

— О, Алисия, — её голос стал тише, — всё становится возможным, когда сердце теряет свет.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Для чего именно эта душа хочет использовать такую магию? — спросила я, и голос вырвался у меня неуверенно, почти шепотом.

— Воскресить чистую душу.

Я ахнула. Воскрешение — это не просто нарушение табу, это разрыв смысла, самой ткани мира. Во всех книгах, что я когда-либо держала в руках, подобные деяния приводили к катастрофе; небеса карали тех, кто играл с гранями жизни.

— Но разве вы сами не можете помешать ему? — выдохнула я, надеясь, что у богини найдутся силы остановить беду.

Она грустно покачала головой. Удивительно, но в её движениях было что-то человеческое, уязвимое.

— Это невероятно сильная душа, — сказала она тихо, — возможно, даже наделённая частью божественного благословения. Я не в силах принять на себя это напрямую: моё вмешательство разрушило бы тонкую грань, которая держит ваш мир. Я выбираю мягкие пути, если они ещё возможны. Но так продолжаться не может.

Её слова упали на меня тяжким грузом. Я вслушивалась в них, как в приговор, ощущая, как внутри меня поднимается новый, холодный страх.

— Даже ваши силы бессильны? — выдавила я, потому что не понимала, как такое могло быть — божество, и при этом бессильное перед одной душой.

Она опустила голову и, едва слышно, произнесла:

— Хоть мои силы и велики, ваш мир — не вечен. Если он сумеет призвать эту душу обратно, за ней потянутся сотни, может быть, тысячи чудовищ. Вашему миру придёт конец.

Эти слова прозвучали как приговор для всего, что мне было дорого. Этот человек действительно готов был ради чего-то такого рискнуть всем. И теперь от меня зависело, смогу ли я остановить того, кого считает сильнейшим сама богиня.

Что-то в её словах не укладывалось в голове. Всё звучало логично, но... не для меня.

— А разве... вы не воскресили меня? — спросила я, не в силах сдержать подозрение. — Ведь вы сделали со мной то,

что запрещено. Почему же всё в порядке?

Женщина сначала удивлённо вскинула брови, а потом вдруг рассмеялась. Смех её был чистым, звенящим, будто журчание источника. Он разлился по саду и заставил лепестки ближайших цветов дрогнуть. Я же почувствовала себя неловко — словно ребёнок, сказавший что-то глупое перед мудрым взрослым.

— О, интересное замечание, дитя, — проговорила она, всё ещё улыбаясь. — Но нет, я не воскресила тебя.

Я нахмурилась, не понимая.

— Как это? Но... я же помню, как умерла, — прошептала я.

В груди защемило, ведь воспоминания о смерти стояли перед глазами слишком отчётливо: кровь, огонь, боль. Всё было реальным, слишком реальным.

— Ты действительно это помнишь, — мягко подтвердила она. — Но я успела отмотать твоё время в последнюю секунду перед самой смертью. Технически тогда ты оставалась ещё жива. Я переместила твою душу назад и сохранила память той временной линии, чтобы ты знала, что нужно изменить.

Её голос звучал спокойно, почти буднично, но внутри меня всё переворачивалось. Она говорила об этом так, будто время было лишь страницей, которую можно перелистнуть, а не чем-то неизбежным.

Я хотела задать ещё тысячу вопросов, но мир вдруг начал

расплываться. Воздух стал густым, будто мёд, а небо над садом пошло рябью.

— Наше время закончилось, — произнесла она тихо, почти с сожалением. — Возвращайся назад, Алисия, и помни, что если ты не справишься с задачей, то все повторится, и ты умрешь.

Я не успела даже вдохнуть, и всё исчезло.

Когда я открыла глаза, то лежала прямо у дверей своей комнаты, как будто и не покидала её. Голова гудела, тело ломило, каждая мышца болела, будто после долгой борьбы. Я застонала и с трудом приподнялась на локтях.

Мысли роились в голове, одна цеплялась за другую.

Да, я была нужна ему... так же, как и он мне. Но после того, что он сделал, я не позволю себе поверить слепо. Его будут ждать испытания. В моей жизни нет места для предателей, даже тех, чья близость нужна мне больше воздуха.

Гнев и боль переплелись внутри, но вместе с ними появилась и решимость. Если это мой второй шанс, я не позволю никому использовать его против меня.

И будто почувствовав перемену в моей душе, мои верные ядовитые красавицы встревожились. Тонкие крылья мелькнули в воздухе, и они уже кружили вокруг, беспокойные и нежные. Ластились к моим рукам, касались лица, их тихое порхание было единственным, что успокаивало меня.

— Всё хорошо, мои дорогие, — прошептала я, чувствуя,

как возвращается сила. — Мы начнём всё заново. На этот раз правильно. И если дракончик не пройдет проверку, то познакомится с вашим гневом куда ближе.

Глава 7. Белая кошка

После произошедшего, меня настигла лихорадка — жгучая, беспощадная, какой я не знала за все годы своего существования. Сначала я решила, что это просто слабость после встречи с богиней, но вскоре поняла, что всё куда хуже.

Мы, вампиры, отличаемся своим бессмертием и силой, наш организм — совершенный механизм, неуязвимый для жалких человеческих болезней. Но магия... магия подчинялась иным законам. И мне не повезло. Видимо, слишком много сил ушло на то, чтобы переместиться во времени и выдержать встречу с божеством. Моё магическое ядро, сердце моей силы, дало сбой, словно треснуло изнутри.

Это было невыносимо. Каждый миг превращался в изощренную пытку. Я металась на промокшей от пота постели, объятая невидимым огнём, который выжигал меня изнутри. В бреду ко мне приходили тени прошлого — не призраки, а воспоминания, самые ужасные, самые горькие мгновения моей долгой жизни, которые я тщательно хоронила на дне памяти. От них не было спасения.

Служанки без конца, метались вокруг моей кровати словно стайка перепуганных воробьёв. Их мельтешение то раздражало, то убаюкивало, в лихорадочном тумане всё смешивалось, и я уже не могла сказать, где сон, а где реальность. Сквозь тяжелую пелену я пару раз замечала отца: он захо-

дил, останавливался возле изголовья кровати, смотрел на меня несколько секунд долгим, оценивающим взглядом и так же молча уходил.

Позже пришли лучшие целители королевства. Они проносили заклинания, касались моего лба, изучали ауру. И каждый раз результат был одинаковым: тяжёлый вздох и тихое, беспомощное признание.

— Сожалеем, мы ничем не можем помочь.

На третьи сутки, как меня сломила болезнь, глубокой ночью, сквозь пелену жара и бреда я ощутила чужое присутствие. В тишине скрипнула дверь, и в комнату кто-то бесшумно проскользнул. Подсознательно я замерла и притворилась спящей, хотя внутри всё оборвалось от напряжения. Я слышала лёгкие, почти неслышные шаги, которые направились к моему письменному столу. Послышался тихий скрежет — кто-то быстро открыл и закрыл ящик.

Любопытство пересилило осторожность. Я едва заметно приоткрыла глаза, и в сумраке комнаты увидела служанку. Её лицо было для меня одним из многих в этом доме, безликим и незнакомым. Но поразило меня другое — она была человеком.

Странно. В нашем доме, люди на службе были редким исключением.

Она была бледна как полотно, её глаза, полные животного ужаса, постоянно метались по комнате и задерживались на моей кровати. Закончив своё таинственное дело, она больше

не могла сдерживать страх. Словно сорвавшись с цепи, она бросилась к выходу, забыв всю свою былую осторожность. Девушка неслась прочь стремительно и громко, с топотом, который в ночной тишине звучал нелепо.

Сил подняться и проверить, что же она спрятала, у меня не было, и я снова уснула.

Но на этот раз всё было иначе. Вместо привычного кошмара передо мной раскинулась прекрасная солнечная поляна, залитая мягким, золотистым светом. Я осмотрелась и с изумлением обнаружила на себе легкое белое платье.

Эта легкость, это ощущение чистоты, будто меня окутали самой нежной тканью из света. В этот миг, я не чувствовала себя вампиром, существом ночи. Я словно отделилась от собственного тела.

Несказанно удивившись, я заметила чуть поодаль маленькую белую кошечку с алыми, как рубины, глазами. Она внимательно смотрела на меня и мягким движением головы словно приглашала идти за собой. Что-то в ее спокойной уверенности не оставляло места для сомнений. Я послушалась и последовала за этим загадочным животным.

Пройдя всего несколько шагов по тропинке, мы оказались в том самом месте. Там, где меня предали и сожгли. Оглянувшись, я увидела, что мы стоим чуть в стороне, а рядом с нами, человек, с головы до пят завернутый в черную мантию.

Едва я собралась с духом, чтобы подойти и попытаться разглядеть лицо под капюшоном, как все завертелось в вихре

света и теней. Мир рассыпался на тысячи сверкающих осколков, и я очнулась в своей собственной кровати.

Вместо жара я чувствовала непривычную легкость, а тело стало бодрым и послушным, будто я заново родилась. Лихорадка отступила.

Первым делом мне захотелось проверить что же оставила ночная гостья. Вскочив с кровати, я сразу подбежала к столу, выдвинула ящик и увидела, что в самой глубине лежит кулон — ярко-голубой, тот самый, что я видела на шее у истинного. Но едва я взяла его в руки, кулон рассыпался и исчез без следа, словно его никогда и не было.

Всё стало ещё запутаннее, я не могла понять, что происходит вокруг. Раньше моя жизнь была такой ясной и простой, но теперь в ней появились тайны и пугающие видения, которые сбивали с толку.

Я чувствовала, что всё это связано между собой: таинственная служанка, кулон истинного и человек, который был в моём видении. Кто-то пытался достучаться до меня, подсказать, но я пока ничего не понимала.

В поисках хоть какой-то опоры я подошла к окну, окинула взглядом сад, где росли розы несравненной красоты. Вдруг мой взгляд уловил едва заметное движение — у одной из них, алой и совершенной, медленно, лепесток за лепестком, раскрывался бутон.

«Всё верно, — подумала я. — Пора и мне раскрыться». Эта мысль придала мне столь недостающей решимости. Я

ощутила странную лёгкость, все сомнения испарились. Больше не было смысла в бесконечных раздумьях. Пора действовать.

Приняв прохладную ванну, я с наслаждением смыла с себя остатки лихорадочного сна и липкий ужас беспамятства.

Наконец, я остановилась перед резными дверцами гардероба. Глубоко вздохнула и распахнула их. Вокруг меня порхали бабочки, словно подпитывая мою решимость.

— Ну что, красавицы, будем собираться? Навстречу всем загадкам... и любви.

Глава 8. Первый бал

Собрать вещи оказалось куда сложнее, чем я думала. Перебирая свою одежду, я всё яснее понимала неприятную правду: мне абсолютно нечего взять с собой.

В Академии будет мой истинный, и мне безумно хотелось выглядеть так, чтобы он задержал на мне взгляд. Но каждый предмет, который я доставала из шкафа, выглядел одинаково строгим, практичным и безжизненно чёрным.

Для юной девушки это было странно, но я всегда жила тренировками и учебой и даже не задумывалась о нарядах, в отличие от сестры, которая только и делала, что бегала по балам да ателье.

На пятой невзрачной и одинаковой чёрной водолазке я плюнула на эти дурацкие сборы и решила, что нужно срочно съездить в город за новой одеждой.

Мои красавицы собрались ближе, кружили вокруг ног, касались кожи лёгкими крыльями. Они словно понимали, как бессильно я себя ощущала, и пытались приободрить хоть чем-то.

Я погладила одну из них по крылышку и натянуто улыбнулась.

— Да, я не собираюсь падать в его объятия, — уныло сказала я своим любимицам. — Но надо же его хоть как-то заинтриговать! А в этом чёрном балахоне разве что привиде-

ний из подвала пугать.

Бабочки вспорхнули вверх и мягко закружились, по-своему подтверждая мои слова.

За всё это время у меня так и не появилось друзей, и нехватку общения мне приходилось восполнять разговорами с самой собой или с ними. Получалось, конечно, неважно, но за неимением лучшего только это мне и оставалось.

Все молодые вампиры моего возраста, которых мне доводилось видеть, казались невыносимыми — такими заносчивыми и завистливыми.

На своём первом балу я так надеялась найти хорошую подругу, девушку, близкую мне по возрасту и складу ума.

Но всё пошло наперекосяк ещё до того, как я переступила порог зала.

Первое появление наследницы вампирского трона должно было быть торжественным. Однако прямо перед самым выходом Летиция, чуть ли не плача, умоляла меня позволить ей идти рядом с отцом, якобы из-за страха, чтобы быть к нему ближе. Она смотрела так жалобно, что я, как всегда, уступила. Мне казалось, что она просто волнуется, что ей страшно, а мне что? Мне было без разницы.

И только когда двери зала распахнулись, и на нас устремились десятки взглядов, я осознала, что совершила ошибку.

Наследница обязана входить первой, держа голову высоко, как положено будущей правительнице. Это был мой статус, моя обязанность и моё право. Но в этот вечер место на-

следницы заняла Летиция, а я шла позади, будто случайная гостья, которой позволили быть рядом лишь по доброте душевной.

Сестра сразу убежала к своим подружкам, сияя так, будто весь бал был устроен лишь ради неё. Девушки вокруг тут же окружили Летицию, шепча ей что-то на ухо и бросая в мою сторону косые взгляды — оценивающие, насмешливые, полные презрения, которое они пытались спрятать за фальшивыми улыбками.

А я, решив не обращать на них внимания, направилась к группе девушек, которые внешне казались более воспитанными: ровные осанки, сдержанные жесты, тихие улыбки, они выглядели, как будто действительно принадлежали к кругу тех, кто ценит ум, а не сплетни. Но ещё до того, как успела подойти, меня остановили их голоса.

— Франциска такая толстая в этом платье, чем она вообще думает? — фыркнула одна, криво усмехаясь. Голос у неё был высокий, чуть визгливый, что сразу же захотелось закрыть уши. Она бросила быстрый взгляд в сторону другой девушки.

Я тоже посмотрела и увидела очень милую девушку, которая, в свою очередь, что-то оживлённо рассказывала подружкам, бросая колкие взгляды на соперниц.

— Да, да, — вторая немедленно подхватила, будто только ждала возможности добавить яда. — А посмотри на Марию! Какая безвкусица... Красное с блёстками в этом сезоне? С

ума сошла. — Она демонстративно закатила глаза, а затем громко расхохоталась.

Я тут же встретилась взглядом с той самой Марией, подругой Франциски, и увидела в её глазах насмешливую презрительность, на этот раз направленную на меня.

Похоже, все здесь только и делали, что перемывали друг другу кости.

И тут заговорила девушка, стоявшая в центре. Судя по тому, как остальные вокруг неё выпрямились, она была в их маленькой стайке предводительницей.

Она хищно улыбнулась и громко, так чтобы уж точно услышали все вокруг, процедила:

— А как опозорилась принцесска? Такая жалкая... Младшая сестра идет впереди, а эта плетётся сзади, словно служанка. И это чёрное платье... Какая безвкусица!

Остальные едва дождались, чтобы подхватить её слова. Смех, перешёптывания, ехидные комментарии — всё смешалось в один неприятный гул, от которого внутри у меня всё сжималось в тугий узел. Я больше не могла стоять там, чувствуя, как с каждой секундой разрушаются последние остатки моих надежд на настоящую дружбу.

Я развернулась и направилась к балкону, захотелось проветрить голову, хотя бы ненадолго спрятаться от ядовитых языков и от собственной глупости.

Однако до балкона я так и не дошла. Меня остановил громкий, певучий голос:

— Сестрёнка! — Летиция возникла словно из воздуха, схватила меня под руку и, сияя как солнце, продолжила: — Давай я познакомлю тебя со своими подругами.

Она улыбалась так радостно и открыто, словно не замечала ни моего состояния, ни того, что подставила меня. И я не смогла ей отказать.

Мы подошли к её компании, и девицы тут же начали бросать друг на друга многозначительные взгляды, а затем синхронно расплываться в надменных улыбках. Всё в их поведении говорило о том, что они прекрасно понимают своё место, и то, какое место, по их мнению, должна занимать я.

Но, несмотря на это, они в унисон произнесли:

— Приветствуем, наследница, — сделали идеальные реверансы, будто только и ждали момента показать свою «воспитанность».

«Ну хотя бы правила знают», — с усталой иронией подумала я, стараясь сохранить лицо. Но внутри меня всё равно поднималась холодная волна неприятия.

— Приветствую, — произнесла я ровно и чуть наклонила голову, стараясь выглядеть спокойнее, чем чувствовала себя на самом деле.

Девушки переглянулись, будто я сказала что-то особенно забавное, и почти сразу скатились в обсуждение тех самых девушек, к которым я собиралась подойти. Они смеялись над чужими платьями, над манерами, над тем, как кто-то держит бокал или стоит. Их голоса звучали сладко, но слова были

ядовитыми. Мне было неприятно находиться рядом, но ради сестры я терпела.

А затем очередь дошла и до меня.

— Наследница, а вы платье сами выбирали? — с притворной невинностью поинтересовалась одна из них.

— Да, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается лёгкое раздражение. — Что-то не так?

— Нет, нет, вовсе нет, — заверила она, и её губы дрогнули от сдерживаемого смеха. — Оно так подчёркивает ваш... ум.

Я заметила, как все они дружно пытались подавить смешки. Даже Летиция опустила глаза и сделала вид, что рассматривает своё кольцо, только бы не встречаться со мной взглядом.

Дальше посыпались такие же завуалированные колкости. Сейчас, вспоминая это, я понимаю, насколько же была глупа. Мне было всё равно. В тот момент я думала лишь об одном — о том, как скорее вернуться к тренировкам и занятиям. Я даже не анализировала поведение окружающих и Летиции; тогда я просто решила, что они всего лишь глупые сплетницы, и совсем не заметила, что они обсуждали меня с каким-то странным единством, будто их кто-то заранее направлял.

А ведь так и было, Летиция готовила почву. Тихо, аккуратно, будто невзначай нашёптывала нужным людям нужные слова. Она будто плела невидимую сеть вокруг меня, из нитей сплетен, ревности и зависти, превращая моё имя в по-

смешище, даже не дав людям шанс узнать меня по-настоящему.

И уже тогда, хотя я этого не видела, мой круг стал сужаться. Из близких у меня остались только мои верные бабочки... и всё. Даже истинный поверил чужим словам, а не мне. Он поверил ей.

Теперь, обдумывая всё это, я чувствовала совсем не обиду, а холодное, стальное спокойствие. В этой жизни я не собиралась позволять ей повторить тот же сценарий. В Академии ей действительно придётся несладко. Не потому что я стану нападать первой, нет. Просто я уже не была той доверчивой девочкой, которой можно манипулировать одним взглядом и притворными слезами.

На губах сама собой появилась лёгкая насмешливая улыбка — не злая, но опасно обещающая.

— Ставлю всё, — тихо сказала я своим красавицам, которые кружили рядом, — что она уже придумывает новый способ очернить меня. Но она даже представить не может, насколько жестокой я могу быть, если меня предадут.

Глава 9. Служанка

Оставалась неделя до отъезда в Академию, и почти всё это время я проводила в оранжерее. Тут было спокойно: тепло, светло, пахло цветами, и никто не пытался меня задеть или втянуть в очередные семейные разборки. Среди мягкого шелеста листвы голова прояснялась, а мысли переставали сбиваться в один большой клубок раздражения.

В доме же царил полный хаос. Отец каким-то образом добился того, чтобы в Академию могли поехать обе дочери, и после этого мать с Летицией превратились в двух неугомонных гарпий — носились по коридорам, что-то обсуждали, спорили, звали портных, снова спорили... от всей этой глупой суеты уже болела голова и сжимались зубы.

Хоть мне и было тревожно от того, что Летиция отправляется со мной в Академию, я старалась относиться к этому спокойно, ведь в какой-то степени это было даже к лучшему. Теперь у меня будет масса возможностей отомстить ей со всей силой за ту боль, что она мне причинила.

Я сидела в кресле, наблюдая за бабочками, которые тихо порхали рядом, когда в дверь оранжереи робко вошла служанка — приближённая моей сестры. Она выглядела так, будто ожидала удара: плечи подняты, глаза бегают, губы дрожат. Девушка медленно подошла ко мне, присела в неловком реверансе и попыталась что-то сказать, но я не разобрала ни

слова, лишь обрывки шёпота.

— Скажи громко и чётко. Не трать моё время, — произнесла я ровно, даже спокойно. Внутри у меня царило ледяное спокойствие, а на лице — привычное умиротворение.

Но мои слова стали для неё чем-то вроде последней капли. глаза служанки вдруг наполнились блеском, и я поняла, что она изо всех сил пытается сдержать слёзы. Я на это лишь закатила глаза, слишком уж трусливой она была для той, что недавно с таким удовольствием смотрела, как меня ведут на казнь.

— Быстрее, — рыкнула я, позволив голосу прозвучать ниже, чем обычно.

Девушка вздрогнула так резко, будто я ударила её плетью. Наблюдать за этим концертом испуганной невинности было почти забавно. Я слишком хорошо помнила её лицо в тот день, когда толпа требовала моей крови. Она стояла тогда рядом с Летицией, сияла так ярко, словно исполнилась её давняя мечта.

Все, кто крутился вокруг сестрицы, постепенно перенимали её манеры: сладкий голос ради выгоды, притворную доброту, которая обнажала клыки при первом удобном случае, и умение распускать слухи так же легко, как распускают кружево на платье.

И теперь эта служанка пыталась притвориться невинной жертвой.

Только вот со мной такое не сработает. Я слишком хоро-

шо видела её настоящую суть.

Заметив, что я остаюсь равнодушна к её слезам, девушка спохватилась — вытерла глаза, выдохнула и уже более чётко, поспешно проговорила:

— Госпожа Летиция ожидает вас в фиалковой зале.

Я тихо хмыкнула, не скрывая раздражённой усмешки. Конечно же. Летиция была уверена, что стоит ей лишь щёлкнуть пальцами, и весь мир ринется исполнять её желания. Она принимала свои прихоти за закон, а себя — за центр вселенной. И даже представить не могла, что кто-то осмелится жить не по её правилам.

Служанка уже повернулась, чтобы уйти, в надежде как можно быстрее доложить сестре о том, что поручение выполнено. Но я не собиралась отпускать её так легко.

— Передай своей госпоже, — тихо, но отчётливо произнесла я, — что у меня нет времени разговаривать с ней, когда ей вздумается. Если она действительно хочет встречи, пусть сначала согласует её со мной.

Девушка буквально застыла на месте — она явно не ожидала подобного от «тихой старшей сестры», той самой, которую привыкли считать удобной тенью Летиции.

Произнеся последние слова, я поднялась из-за стола и без оглядки направилась к выходу, оставив ошеломлённую служанку позади. Та всё ещё стояла на месте, не понимая, что только что произошло, но меня это уже не волновало.

Пусть Летиция привыкает. Я больше не собиралась по-

такать её капризам и подыгрывать её мнимой власти надо мной. Возможно, из-за этого она станет осторожнее, хитрее, будет плести свои интриги тоньше и злее, но мое терпение уже кончилось.

В груди кипела злость. Хотелось движения, силы, ощущение контроля, которое даёт только меч в руках. Я почти бегом поднялась в свою комнату, сбросила платье и переоделась в тренировочный костюм. Собрав волосы в тугий хвост, чтобы ничего не мешало, быстрым шагом направилась к тренировочной площадке.

Там, среди запаха металла и старой, наточенной древесины манекенов, я наконец почувствовала себя дома. Я взяла меч, ощутив знакомый холод рукояти, и подошла к ближайшему деревянному манекену.

Первый удар был резким, второй — ещё сильнее. С каждым следующим я чувствовала, как злость медленно растворяется, уступая место спокойствию.

— Мелкая чертовка... — пробормотала я себе под нос, нанося удар за ударом.

Лезвие рассекало воздух со свистом, и мысли складывались в чёткую линию. Летиция действительно никогда не считалась со мной. Я — старшая дочь, наследница королевства, та, кто по праву должна стоять впереди. В будущем именно она обязана была склонять голову перед моей волей, принимать мои решения, следовать за мной. А она вела себя так, словно уже видела себя на троне, а меня словно и не су-

ществовало, кроме как в роли удобного фона, который можно отодвинуть, если мешает, или выставить виноватой, если нужно.

Ещё один удар — такой сильный, что манекен едва не упал.

Она воспринимала меня не как сестру, а как препятствие. Как ступень, по которой нужно пройти, чтобы взобраться выше.

И это было моей главной ошибкой, я слишком долго позволяла ей это.

— Больше не позволю, — выдохнула я, выравнивая стойку.

Эта мысль неприятно кольнула меня, но настоящая ярость вспыхнула, когда я вспомнила день моей казни — притворные слезы, которыми она так ловко манипулировала, и особенно то приторное, липкое «дорогой», обращённое к *моему* истинному.

Меня перекосило от злости. Невидимая нить, связывающая меня с истинным, болезненно дрогнула, словно сама реагировала на мои эмоции. Я не удержалась — с силой, какой у меня давно не было, ударила мечом по манекену. Лезвие вошло так гладко, будто дерево было воском, и голова манекена с глухим звуком отлетела в сторону.

Она покатилась по земле и остановилась у моих ног.

Я смотрела на неё пару секунд, а затем уголки губ сами поползли вверх.

— Ну уж нет, дорогуша, — протянула я вслух, наклоняя голову и рассматривая поверженный манекен так, будто это была она. — Ещё посмотрим, кто будет валяться у ног и умолять о пощаде.

Я провела ребром ладони по клинку, чувствуя приятную вибрацию в пальцах, и вдруг поняла, что дышать стало легче.

Нет, я не собиралась больше быть той, кем меня привыкли видеть.

Не собиралась быть удобной.

Не собиралась быть той, кто терпит.

Летиция ещё даже не представляла, насколько сильно всё изменилось.

Глава 10. Воспоминания

Пока я переводила дыхание после очередного подхода и уже мысленно представляла тёплый душ и вечер с любимым трактатом о воздействии змеиных ядов на кровь — редкая, кстати, и очень увлекательная работа, — мои планы решили нарушить.

Через всю тренировочную площадку ко мне буквально неслась Летиция. Даже на расстоянии было видно, что она в ярости. Щёки горели, взгляд метался, а пальцы судорожно сжимали ткань юбки.

Но стоило ей приблизиться, как по щелчку пальцев всё изменилось. Она вытянула спину, вздохнула, а потом натянула свою привычную маску — ту самую, где глаза блестят от «слёз», губы дрожат, а в каждом движении читается милая, нежная, беззащитная девочка.

Я едва не засмеялась, где-то я уже сегодня наблюдала этот цирк.

С кем поведёшься...

— Сестренка, ты... ты ведь не сердишься на меня? — её голос звучал надрывно, почти жалобно. Такой печальный, что у любого нормального человека навернулись бы слёзы сочувствия, но меня это лишь смешило.

Не успела я ответить, как она продолжила:

— Что с Академией, что с разговором? Почему ты дела-

ешь всё мне назло? — её голос сорвался окончательно, и ярость прорвалась наружу.

Я не смогла сдержать торжествующую усмешку. Видеть её такой — рассерженной, растерянной, срывающейся — было удивительно приятно.

Её тщательно выстроенные планы начинали давать трещину, и это приносило мне странное, сладкое удовлетворение. Пока что ей удавалось находить выход из ситуации, но я была уверена, что её удача скоро иссякнет.

— Летиция, — произнесла я спокойно, почти лениво, — не забывай, что я наследница, и у меня есть дела и обязанности. Я не могу тратить время так бездумно, как ты.

Я сказала это намеренно жёстко. Хотела ранить, задеть её за живое, напомнить, какое место она занимала на самом деле.

Может, это было по-детски. Но всего несколько недель назад она приговорила меня к смерти, и теперь каждый раз, когда я видела её аккуратное личико или слышала этот противный, приторно-слащавый голос, внутри поднималась волна боли. И вместе с ней поднималось жгучее желание ранить её так же сильно, как она ранила меня.

Летиция едва заметно дёрнула уголком губ. Маска сползла с лица, хоть она и пыталась удержать её, цепляясь из последних сил, но я наконец увидела то, что скрывалось под ней.

Злость и раздражение. И, что самое приятное, страх, что

её маленький идеальный мир начал рушиться.

— Сестра, ты такая черствая и жёсткая, совсем как наш отец. С таким характером твой истинный может тебя и испугаться, — она попыталась ударить в ответ. Голос у неё был всё ещё ровным, но я слышала, как внутри него вибрирует злость. Как бы она ни старалась, но роль великодушной младшей сестрички ей сейчас давалась плохо.

Что ж, она выбрала не ту соперницу.

— Буду считать это комплиментом, — я слегка пожала плечами, будто обсуждала погоду. — А что касается истинного... трус мне не нужен.

Я специально улыбнулась ярко, почти ослепительно — той самой улыбкой, которая всегда выводила её из себя ещё больше, потому что в ней она видела спокойствие, которого ей самой не хватало. Затем плавно поднялась на ноги и развернулась к замку.

— На этом наш разговор окончен. Если впредь захочешь что-то обсудить, заранее согласуй это со мной.

Когда я ушла, Летиция осталась позади, как выброшенная на берег рыбка, открывающая рот и не находящая воздуха. Я даже услышала, как она тихо всхлипнула от злости или унижения, но оборачиваться не стала.

Я дошла до комнаты почти вприпрыжку. Скинув тренировочную одежду, забралась в тёплую ванну. Вода обволокла тело, мышцы потихоньку отпускало, и я впервые за день расслабилась.

Пена мягко касалась плеч, тёплая вода успокаивала, словно пыталась вымыть последние остатки напряжения. Я закрыла глаза и выдохнула — глубоко, спокойно. Мне становилось легче, будто вода смывала не только грязь, а весь сегодняшний хаос — и голос Летиции, и её вечную фальшь, и мою собственную злость, от которой в груди до сих пор покалывало.

Я прикрыла глаза и, вспомнив её слова, невольно усмехнулась, а потом даже засмеялась.

— Испугаю истинного? — пробормотала я в пустоту ванной комнаты. — Как же. Он сам кого хочешь испугает.

Стоило произнести это вслух, как перед мысленным взором возник его образ. Сегодня я впервые за долгое время позволила себе смотреть на него не сквозь призму предательства, боли или смерти, а просто... как на мужчину. И тогда меня накрыла волна воспоминаний.

В нём чувствовалась сила: в каждом движении, в каждом повороте головы, даже в том, как он стоял. Мускулы угадывались под одеждой, ткань не могла полностью скрыть его природу. Черты лица — строгие, будто выточенные скульптором, который решил создать эталон мужской красоты.

Погружённая в эти воспоминания, я уже не различала тепло воды и жар своих фантазий. Поэтому, когда что-то мягко коснулось моей ноги — лёгкое движение воды, крохотная волна — мне на миг показалось, что это его ладони скользнули по моей коже. Это ощущение оказалось таким реаль-

ным, что я, будто ошпаренная, мгновенно распахнула глаза.

Рывком поднялась, быстро смыла с себя остатки пены и выскочила из ванны, едва удерживая полотенце.

Стоя посреди комнаты с пылающими щеками, я поняла лишь одно: если так на меня действуют одни только воспоминания... что же будет, когда я окажусь рядом с ним на самом деле?

Стоило мне успокоиться и шагнуть к шкафу, как в дверь раздался стук. Резкий, уверенный, будто гость не сомневался, что я ему открою.

— Кто там? — крикнула я, судорожно пытаюсь натянуть домашнее платье поверх влажной кожи, запутываясь в рукавах и в собственных волосах.

Ответ прозвучал сразу:

— Алисия, это я. Пусти меня, мне нужно поговорить с тобой.

Голос матери.

На секунду я застыла, а затем начала торопливо приводить себя в порядок, а в голове снова и снова стучала одна-единственная мысль:

«Что ей от меня надо?»

Глава 11. Точка кипения

Я торопливо влезла в платье, ткань неприятно прилипла к влажной коже. Пальцы подрагивали, когда я пригладила волосы — в зеркале почти ничего не было видно, оно запотело от моего же дыхания. В воздухе висела гулкая тишина, и я почти бросилась к двери, прежде чем стук повторился бы вновь. Рывком открыла дверь, и сразу отступила назад, когда мать без единого слова толкнула меня обратно в комнату. Она вошла следом, захлопнула дверь, будто отрезала меня от всего остального мира, и на какой-то миг я просто остолбенела.

— Матушка? Что вы хотели? — осторожно спросила, пытаясь понять, что её привело ко мне.

Она медленно прошла по комнате, оглядывая всё вокруг тем надменным, холодным взглядом, под которым я снова чувствовала себя маленькой девочкой, не знающей, как правильно стоять или куда девать руки. Лишь после этого она снизошла до того, чтобы присесть на диван у чайного столика. Устроилась так, будто находилась грязной комнате прислуги, и только тогда произнесла, не глядя на меня:

— Алисия, мне не нравится, как ты себя ведёшь.

— Что?.. — выдохнула я, не понимая, куда она клонит.

Она вздохнула, демонстративно тяжело.

— Летиция пришла ко мне в слезах. Рассказала всё. —

Пауза, короткая, холодная. — Что это за отношение к младшей сестре?

Комната будто наполнилась густой пылью, воздух стал тягучим. И тогда всё сложилось. Простая, знакомая до тоски картина. И... щелчок. Будто внутри погасла последняя маленькая лампа, которую я когда-то пыталась беречь.

Я стояла неподвижно. Лицо — ровное, спокойное, выученная маска. Но внутри — пустота. Неудивительно, не ново. Она снова выбрала не меня.

Так было всегда.

С самого моего детства рядом со мной были только няньки да оруженосцы. Мать же появлялась на горизонте лишь тогда, когда нужно было надеть очередное парадное платье и показать миру идеальную принцессу. Её жизнь состояла из балов, чаепитий, блеска драгоценностей, и ребенок ей лишь мешал.

А потом родилась Летиция. И всё вдруг изменилось. Мать превратилась в заботливую, внимательную, почти нежную женщину, но только для неё. Она сама учила её читать, сама укладывала спать, сама успокаивала после ночных кошмаров. А я в те же ночи сидела одна, перематывала после тренировок окровавленные костяшки и глотала слёзы, чтобы никто не увидел моей слабости.

И вот она снова стоит на стороне сестры. Снова защищает её, даже не пытаясь узнать, что случилось на самом деле, как будто специально давит на ту старую рану, которая так и не

зажила и, кажется, уже никогда не заживёт.

Не услышав от меня ни слова, мать недовольно скривила губы, словно я уже успела её утомить.

— Немедленно извинись перед сестрой.

Боль накатила неожиданно — такая же резкая, как в детстве, когда любое её слово было для меня на вес золота. Но теперь всё было иначе. Я больше не та бесконечно покорная девочка, которая надеялась заслужить её внимание. Я была взрослой вампиршей, злой, преданной, с новой жадой крови и правды.

— Нет, — произнесла я спокойно, почти мягко.

Мать вскинула на меня взгляд, она не привыкла к тому, что я отвечаю иначе, чем «да, матушка». В её мире я всегда уступала.

Летиции понравился мой бантик — я отдавала без вопросов.

Летиция испортила моё лучшее платье — я улыбалась, будто оно мне никогда и не нравилось.

Летиция порвала книгу, которую я до глубокой ночи читала под одеялом — конечно, и это ей прощалось.

Летиция хочет моё место — я должна освободить его.

Так было всегда.

Но я изменилась, Летиция перестала быть мне сестрой. Теперь она враг.

— Как это ты не будешь извиняться? — голос матери начал подниматься, набирая жар. — Ты довела свою сестру до

слёз и теперь ещё смеешь мне перечить?

Я видела, как под её кожей нарастало раздражение, как уголки губ дрогнули, как плечи напряглись. Она закипала, и странное спокойствие разливалось во мне.

Я стояла прямо, чувствуя, как между нами сгущался воздух — тяжёлый, будто перед грозой.

Она медленно поднялась с дивана, и ткань её платья легонько прошелестела, словно предупредила меня о приближении хищника. Шаг — мягкий, почти неслышный, но напористый. Ещё один. Она сократила расстояние так, что мне пришлось поднять взгляд.

Запах её духов — сладкий, удушающий, слишком знакомый — накрыл меня, словно туман. Когда-то он значил безопасность. Теперь — лишь угрозу.

— Алисия, — выдохнула она, и её дыхание коснулось моей кожи. — Я не потерплю такого неповиновения.

От её близости по шее пробежал холодок, но внутри меня что-то — маленькое, упрямое — расправило крылья. Я осторожно втянула воздух, чтобы не дрогнуть.

— Матушка, её слезы — не моя вина, и извиняться я не собираюсь. У меня были свои дела, и я не обязана по каждому её зову бросать все, — тихо сказала, и сама удивилась, насколько ровным остался мой голос.

Её глаза сузились. На миг в них мелькнуло что-то, похожее на страх или, наоборот, на понимание, что я больше не та мягкая дурочка, которой можно было управлять.

— Старшая сестра должна быть мудрой. Должна вести младшую за собой, а не сталкивать её в бездну. Ты обязана сглаживать конфликты, а не разжигать их, — прошипела она.

— Если старшая должна заботиться, то младшая, в свою очередь, должна уважать её. Может, тогда тебе стоит поговорить именно с Летицией и напомнить об этом? — я пожала плечами, хотя внутри всё стягивало тугим узлом.

Откуда-то из коридора донёсся тихий звук, словно кто-то прошелестел одеждой или торопливо отступил. И я внезапно поняла: мы здесь не одни. Кто-то подслушивал.

Мать резко обернулась на звук, и её выражение лица тут же изменилось.

— Хватит, мы вернёмся к этому разговору позже, — произнесла она, и её голос стал удивительно ровным и мягким. Я на мгновение даже ощутила укол зависти: вот бы мне научиться так же легко прятать свои эмоции, как она.

Когда дверь за ней закрылась, я буквально осела на кровать, будто с меня разом сняли тугой корсет. Потерла лицо ладонями, надавливая на виски до лёгкой боли, хоть какая-то попытка успокоиться. Всё это невероятно раздражало. Я никак не могла понять, чего мать добивалась. Ведь по всем законам я — наследница, старшая дочь. Именно младшая обязана подчиняться мне, оказывать уважение, признавать мой статус. Но в нашей семье всё всегда было наоборот, и это перевёрнутое положение вещей меня в корне не устраи-

ивало.

Раз уж богиня подарила мне второй шанс, я не упущу его: хватит распускать нюни, пора брать все в свои руки, если я хочу что-то получить от этой жизни.

С этими мыслями я и уснула. Наутро была уверена, что мать непременно продолжит выговаривать мне за «плохое» отношение к сестре. Но... тишина. День прошёл спокойно. И следующий. И даже ещё один. Она словно забыла о моём существовании, и вся неделя до отъезда в академию прошла без её вмешательств.

Я не знала, радоваться этому или опасаться. Но всё свободное время я посвящала тренировкам и чтению, как будто пыталась наверстать то, что в будущем могло пригодиться... или спасти. Магическая академия не прощала слабость — особенно тем, кто пришёл туда с титулом, обязывающим блистать.

Когда до отъезда оставался всего один день, мой взгляд упал на заранее приготовленный багаж, и я с ужасом вспомнила, что одежду так и не купила.

Пора было это срочно исправлять.

С тяжёлым вздохом поднялась с кровати и, собравшись, распахнула дверь, обращаясь к прислуге:

— Подготовьте карету для поездки в город.

Глава 12. Маленькая победа

Поездка в город всегда считалась для благородных леди чем-то праздничным. Для меня же — сплошной пыткой. Стоило колесам кареты коснуться булыжников, как пространство вокруг сжималось, становилось тесным, шумным, слишком живым. Я ощущала, как горячий воздух улиц прилипал к коже, как запахи — пота, жареной муки, перегретого железа — вползали в лёгкие, вытесняя привычный покой дворца.

И каждый раз — толпа.

Она будто жила собственной жизнью и, завидев меня, вихрем смыкалась вокруг. Люди тянулись ближе, так близко, что я чувствовала их тепло, слышала влажный звук их дыхания, видела, как блестит пот на висках. Казалось, что стены домов нависали ещё сильнее, пытаясь втолкнуть меня в эти чужие, жадные руки.

— Принцесса Алисия, как вы думаете, зерно взрастёт к красной луне? — спрашивали, будто я была их личным оракулом.

— Принцесса Алисия, мой сосед Шиван обесчестил мою невесту, можно ли ему отрубить голову? — говорил другой, уже почти хватая меня за локоть, и мне приходилось отступать, чтобы не чувствовать его прикосновения.

И так каждый раз. Бесконечный хор голосов, впивающий-

ся в уши, словно рой тонких иголок. Вопросы летели один за другим, словно я была не принцессой, а разносчицей новостей, мелким клерком при дворе, обязанной разбирать их жалобы.

Я никогда не понимала, почему.

Отец — величественный, холодный, недостижимый — внушал им благоговейный ужас. Стоило ему выйти на балкон, толпа будто замирала, боясь слишком громко вдохнуть. Он был их королём, их светом, их угрозой.

А я...

Они не боялись меня. Они требовали, спрашивали, давили.

Я терпела долго, слишком долго, но у любого терпения есть границы. Сегодня я обязана была положить этому конец — раз и навсегда.

Выйдя из кареты в своём лучшем платье — том самом, что я выбрала из сотен мрачных и безликих нарядов, — я уже чувствовала себя увереннее. Алый бархат платья оттенял глубину глаз, а порхавшие рядом бабочки придавали образу загадочность и лёгкое величие.

Стоило мне ступить на мостовую, люди обернулись. Кто-то прервал разговор, кто-то бросил корзину с фруктами, кто-то даже сорвался с места, чтобы подойти ко мне быстрее. Обычно в такие моменты я замирала и терпеливо ждала, когда они закончат вываливать на меня свои жалобы и требования. Но всё это осталось в прошлом.

Я подняла подбородок чуть выше, распрямила плечи и пошла прямо на них, уверенной, ровной походкой. Они ожились, будто дети, которым пообещали сладости, — улыбались, подались вперёд, ожидая очередной возможности свалить на меня свои жалобы. Но ещё не знали, что сейчас произойдёт.

Я приблизилась достаточно, чтобы услышать, как кто-то втянул воздух, готовясь задать первый вопрос. И прежде чем шум толпы успел вновь накрыть меня, я заговорила сама.

— Добрый день, дорогие горожане. Как удачно, что здесь собрались все, кто мне нужен.

Я выдержала паузу, позволяя напряжению прорасти между нами, и повернула голову к владельцу ювелирной лавки.

— Мистер Кларк, как финансовое состояние вашей лавки? — спросила я почти ласково, хотя внутри едва сдерживала холодок раздражения. — Королевский помощник получил письмо с просьбой снизить вам налоги в связи с... низкими продажами.

Я перевела взгляд на сияющую лавку за его спиной. Витрины ломились от украшений, а перед входом стояла очередь молодых леди, перебирающих монеты.

Его попытки коснуться меня, навязчивые вопросы, презрительные взгляды — всё это вспыхнуло перед глазами, и я позволила себе лёгкую, почти вежливую усмешку.

— А ведь, как вижу, продажи у вас куда выше всяких ожиданий, — продолжила я мягко, но холодно. — Так как же вы

решились обмануть королевскую власть?

Кларк задохнулся, сжал губы, покраснел так, что я мельком подумала — не хватало ещё, чтобы он тут же свалился в обморок. Я даже не дала ему шанса запротестовать и уже повернулась к следующему.

— Мистер Эдинсон, — произнесла я, будто приветствуя старого знакомого, — вы недавно сообщили, что вас ограбили...

Я указала рукой на его кафе.

— Унесли столы, стулья, диваны, вывеску... разумеется, всё, до последнего гвоздя.

Кафе сияло так ярко, что, казалось, отражало даже солнечный свет. Пышный декор, новые резные столы, а на пальцах Эдинсона блестели кольца — жирные, тяжёлые, слишком дорогие для человека, который якобы потерял всё.

Его взгляд метнулся в сторону, но я не дала ему ни малейшего спасения.

Этот человек был хуже Кларка. Липкий, наглый, вечно ищущий способ прикоснуться ко мне.

В его приставаниях не чувствовалось даже попытки скрыться за приличиями — один раз он, склонившись ко мне слишком близко, позволил себе провести рукой по моей талии и тихо прошептать «лапушка».

Меня тогда будто окатило ледяным огнём. Я могла — хотела — разорвать его горло прямо на месте. Вампирская сущность рвалась вперёд на волне слепой ярости, — и только

голос отца в голове удержал меня от того, чтобы сорваться.
«Дыши. Сохраняй спокойствие. Уважай своих граждан»,
— повторял он всегда.

И я подчинилась. Отошла. Сбежала, если говорить честно.

Но теперь всё изменилось, больше я не собиралась отступать.

Я чувствовала силу в каждом движении — и вампирскую, и ту тонкую, ещё не до конца понятную нить, что связывала меня с моим драконом. Она грела изнутри, будто напоминала: я не одна.

— Забавно, — сказала я, глядя Эдинсону прямо в глаза.
— Ваше кафе выглядит так, будто у него — лучшие доходы в округе.

Эдинсон дёрнулся, будто я ударила его. Его губы затряслись, но он так и не решился прервать меня. Толпа за его спиной притихла, замороженно наблюдая за нами. На их лицах застыло то самое выражение — смесь страха и почтения, — которое обычно появлялось при виде моего отца. Я позволила себе усмехнуться: у меня получилось. Я заставила их увидеть во мне не девочку на побегушках, а будущую правительницу.

— Столько новых украшений, — указала взглядом на его руки. — Столько яркого декора. Невероятно, как вы всё это себе позволили после... ограбления.

Мои слова повисли в воздухе тяжёлой иронией.

Он сглотнул. Я слышала, как бешено стучит его сердце — вампирский слух всегда был моим преимуществом. А еще я почувствовала кое-что другое: лёгкое потрескивание магии, будто что-то внутри меня отзывалось на нависшую угрозу. Между рёбер едва заметно шевельнулась тень драконьей силы. И что интересно: хотя мой дракон и не подтвердил нашу связь тогда, сейчас я ощущала отголоски его мощи — словно сама его сущность рвалась ко мне сквозь незримую преграду. Это было приятно.

— Вы... преувеличиваете, принцесса, — попытался выдать Эдинсон, но его голос дрогнул.

— О, уверена, это недоразумение, — мягко ответила я. — Но согласитесь, мне необходимо убедиться, что вы не пытаетесь обмануть королевскую канцелярию.

Толпа загудела. А до него наконец дошло, что я здесь не как чья-то «лапушка», не как девочка, которую можно хватать за талию.

— Поэтому, мистер Эдинсон, — продолжила я ровно, — Проверка вашего кафе пройдёт скоро. Очень скоро, ожидайте.

Его лицо побелело, и он схватился за сердце, но мне это уже было не интересно. Я спокойно развернулась на каблуках и направилась к ателье — настроение было великолепным, а за спиной, казалось, расправлялись незримые крылья после сегодняшней маленькой победы.

Глава 13. Элизабет

Немного пройдя по центру города, я остановилась перед скромным зданием, которое каждый раз заставляло меня любоваться. Оно не кричало о себе яркими вывесками, не соревновалось с помпезностью соседних лавок и павильонов, но в его спокойной эlegantности было что-то цепляющее.

Несмотря на мою неприязнь к поездкам в город, именно сюда я всегда приходила с особым настроением. Это ателье стало для меня островком спокойствия, и всё благодаря его хозяйке — необычной, загадочной, но до невозможности талантливой Элизабет.

Потянув дверь на себя, я шагнула внутрь и сразу словно провалилась в другой мир. Свет здесь был мягким, тёплым, не режущим глаза. Воздух наполнен ароматами масел и цветов, и каждый вдох будто смывал с меня накопленную злость. В этом месте мысли в голове становились тише, а тело — легче, и мне казалось, что с плеч действительно падают невидимые кирпичи.

Колокольчик прозвенел, оповещая о моём приходе, и уже через мгновение я увидела Элизабет. Она появилась из глубин ателье так, будто сошла со страниц романа — плавно, уверенно, без лишних жестов. Её красота всегда поражала меня не сиянием, а какой-то гармонией. Рабочее платье без

излишеств подчёркивало изящные линии фигуры, а длинные волосы, собранные в идеальный хвост, не выпускали ни одной непокорной прядки.

Она остановилась передо мной, скользнула внимательным взглядом, и я едва заметно улыбнулась.

— Ваше Высочество, здравствуйте, — произнесла Элизабет своим тихим, мягким голосом. Он был таким нежным, что я на миг просто заслушалась, забыв, зачем пришла. Только когда она смущённо улыбнулась, слегка опустив взгляд, я спохватилась и ответила. Ведьмы обладают поистине чарующей силой.

— Здравствуй, Элизабет, — я позволила себе более тёплый тон и, оглядев её внимательнее, заметила, как она прямо светилась изнутри. — Вижу, в твоей жизни наконец-то всё начинает налаживаться. Поделишься?

Её реакция была мгновенной — она будто застыла, словно опасаясь чего-то, но в следующее мгновение кончики её ушей стали ярко красными, а глаза засияли так, что весь зал ателье стал казаться ярче.

— Мой истинный... он принял меня, — прошептала она, почти не веря в собственные слова. Пальцы слегка подрагивали, будто она пыталась удержать через край вырывающиеся эмоции, и я услышала, как быстро бьётся её сердце.

— Я очень рада за тебя, — сказала искренне. — Ты действительно этого заслуживаешь.

Элизабет слегка кивнула, пытаясь удержать свои чувства

под контролем, и я решила переключить разговор, чтобы она не расплакалась от счастья прямо передо мной.

— Поможешь мне выбрать несколько нарядов для Академии?

Как только речь зашла о её работе, она мгновенно преобразилась: спина выпрямилась, взгляд стал сосредоточенным и деловым, будто это совсем другая Элизабет — та, что творила чудеса тканью и иглой.

— Разумеется, — уверенно сказала она. — Вам, как обычно, что-то строгого покроя? Практичное, неброское?

Я покачала головой и почувствовала, как во мне поднимается что-то почти забытое — желание не прятаться, не растворяться в чёрных тенях, а быть видимой и... желанной.

— Нет. В этот раз мне не нужны ни чёрные цвета, ни строгие силуэты.

Я сделала шаг к зеркалу, коснулась пальцами гладкой поверхности, словно проверяя собственное отражение.

— Давай что-то, что... заставит меня сиять.

Элизабет удивилась так искренне и так открыто, что я едва удержалась от улыбки. Её брови взлетели вверх, она замерла, будто не веря, что услышала правильно, но почти сразу собралась, выпрямила плечи и уверенно кивнула.

— Это прекрасно, Ваше Высочество. Присаживайтесь, я подберу вам лучшие наряды, которые подчеркнут вашу красоту, — произнесла она с таким уважением и теплом, что мне на мгновение стало неловко.

Я устроилась на мягком диванчике, а она погрузилась в работу. Её тонкие пальцы перебирали ткани, скользили по шелку и бархату, она прижимала их к себе, проверяла гибкость, оттенок, игру света. Иногда бросала на меня быстрые, профессионально прищуренные взгляды.

Наблюдая за ней, я невольно погрузилась в воспоминания, такие отчётливые, будто это было вчера.

Мы познакомились в самых странных обстоятельствах, каких только можно представить. Тогда я тренировалась в Запретном лесу — месте, куда даже члены королевской семьи старались не заходить без крайней необходимости. Там царили тени, хищные растения и существа, в чьи глаза лучше было не всматриваться слишком долго. Но мой наставник решил, что идеальная тренировка для наследницы — это выживание среди всего, что хочет тебя убить.

И именно в этом кошмаре я встретила её — маленькую, перепуганную ведьмочку, спотыкающуюся на корнях, когда за ней по пятам шёл монстр. Она едва пробудила свои силы, магия ещё искрилась у неё в пальцах неуправляемым светом.

Тогда я ещё не знала, кто она, и почему такая хрупкая девочка оказалась в самом сердце смерти. Позже всё выяснилось, и история оказалась куда мрачнее самого леса.

Она родилась в герцогской семье, но к ужасу всей элиты — не вампиршей, а ведьмой. Для нашего общества, где чистота крови была почти священным законом, это стало взрывом. Герцогиня так ненавидела своего мужа, что тайком при-

водила в дом любовника... и родила от него.

Герцог в ярости хотел убить и жену, и ребёнка, но мой отец вмешался. Девочку приняли в семью. Казалось бы, всё закончилось миром.

Но светлая оболочка часто скрывает гниль.

Герцог обращался с ней не как с дочерью, а как со служгой. И однажды молодые служанки решили «поиграть» с ней: увели в лес под предлогом забавы и просто бросили там одну, среди хищных теней и магических тварей. Для ведьмы, едва пробудившей силы, это было равносильно смертному приговору.

Тогда я была ещё слишком юной, не знающей, как правильно поступать. Поэтому я спросила совета у отца.

Он выслушал меня молча, не перебивая, тяжело провёл рукой по лицу и сказал:

— Ребёнок должен воспитываться в семье. Я поговорю с герцогом, а слуг ждёт наказание. Не беспокойся об этом, продолжай свои тренировки.

И я послушалась. Беспрекословно, хоть сердце буквально кричало. Я вернула девочку в её дом, в её «семью». Видеть, как по её щекам текут слёзы страха и отчаяния, было пыткой.

Позже я узнала, что после совершеннолетия её сразу выдали замуж по договорному браку. Обычно это считалось удачей: девушка переходила под защиту рода, ей создавали лучшие условия, оберегали от любой опасности.

Но в её случае всё обернулось иначе. Муж оказался таким

же тираном, как её «семья», только куда более жестоким и требовательным.

В какой-то момент она просто не выдержала. Сбежала — босиком, ночью, без вещей и без денег.

И именно тогда она снова нашла путь ко мне.

Я помню, как она стояла передо мной — мокрая от дождя, побледневшая, но всё ещё живая, всё ещё цепляющаяся за надежду. Она запомнила нашу встречу в лесу, и пришла именно ко мне.

Тогда я отбросила все условности, которым так старательно следовала всю жизнь. Не стала ждать разрешения, не стала внимать мнению старших — просто взяла и помогла ей. Подала прошение о расторжении брака, настояла на разбирательстве, привлекла королевских юристов, и сама же первой вложила в её новое дело.

Я чувствовала, что так и должно быть. Что это — моя ответственность, моя обязанность как будущей правительницы. Но главное... это было моё первое по-настоящему свободное решение. Не продиктованное долгом, не выстраданное под давлением титула, а именно мое. И я гордилась этим — так искренне, что впервые за долгие годы чувствовала себя живой.

Теперь та девчушка, которую я когда-то увидела в лесу — в крови, грязи и страхе, — стояла на ногах, строила свою жизнь и, наконец, нашла своё счастье. И от этого у меня внутри разливалось тихое, тёплое чувство, почти забытое

— радость за кого-то другого. Возможно, Элизабет действительно стала для меня самым близким человеком из всех, с кем я когда-либо общалась вне дворца. Она была вежливой, работающей и удивительно сильной, и я уважала её за это.

— Принцесса, я подготовила несколько вариантов. Хотите примерить? — мягкий голос Элизабет прервал мои воспоминания, возвращая меня в реальность.

Я моргнула, словно выбираясь из глубокой воды, и посмотрела на неё. Она стояла передо мной с изысканными, невероятно красивыми нарядами в руках и улыбалась.

— Конечно, — кивнула я, беря у неё первое платье.

Пока я переодевалась за ширмой, мне вдруг захотелось поговорить — просто поговорить, с кем-то нормальным, искренним.

— Что слышно в городе? — спросила я, начиная застёгивать платье.

Сейчас мне нужны были не только новые наряды, мне нужны были союзники. Люди, которые смогут стоять рядом, когда придёт время противостоять Летиции. Одна я не справлюсь.

Элизабет охотно начала рассказывать о городских новостях — о ярмарке, о странных вспышках магии на южной границе, о каких-то нелепых слухах, что распространяли торговцы.

Её голос мягко заполнял комнату, а я примеряла платье за платьем, одно лучше другого.

Но когда надела нежно-голубое, я замерла. Подошла к зеркалу и уставилась на своё отражение, будто видела его впервые. Ткань мягко обтекала фигуру, подчеркивая талию, делая кожу почти светящейся. Волосы словно стали темнее, глаза ярче, черты — мягче.

И я не могла понять... зачем так долго лишала себя этого?

Зачем добровольно пряталась за вечной тьмой, за строгостью, за навязанным образом принцессы, которая никогда не улыбается и всегда держится так, будто мир может обрушиться, если она расслабится на секунду?

Я не понимала. Лишь после своей смерти — после того, как всё рухнуло — я смогла оглянуться назад и увидеть прожитые годы холодным, трезвым взглядом.

Иногда мы так страшно слепы, когда думаем, что вся жизнь ещё впереди. Когда убеждаем себя, что успеем потом. Успеем жить, успеем быть собой.

Но жизнь не ждёт. И я тоже больше не собираюсь ждать.

Глава 14. Цветочное кафе

Выбрав несколько действительно восхитительных нарядов и забрав форму для Академии, которую заказывала заранее, я тепло попрощалась с Элизабет и вышла из ателье. После каждого разговора с ней на сердце становилось легче, будто кто-то осторожно снимал с меня часть груза. Мы не были близкими подругами, но это знакомство я искренне ценила: редкое, спокойное, без скрытых ожиданий и зависти. Рядом с ней мысли упорядочивались сами собой, и даже дышать становилось легче.

Возвращаться во дворец мне совсем не хотелось. С самого утра мать и Летиция металась по залам, словно над королевством нависла катастрофа. Казалось, сестра отправлялась не на учёбу в Академию, а покидала дом навсегда. Слуги без конца носили сундуки и коробки, и только вещей Летиции хватило, чтобы заполнить две повозки. Я наблюдала за этим издали и чувствовала лишь усталость — не зависть и не злость, а глухое нежелание снова погружаться в этот шум.

Погода словно поддерживала моё бегство от дворцовой суеты. Солнце мягко грело кожу, а лёгкий ветер приносил ощущение свежести и спокойствия. Я всегда любила солнечный свет, как бы странно это ни звучало для вампириши. Он наполнял меня силой и напоминал, что мир гораздо шире тёмных залов и тяжёлых мыслей.

Оглянувшись, я заметила маленькую девочку с красными глазами и едва заметными клыками. Она с восторгом рассказывала матери о своём человеческом друге, размахивая руками и смеясь. Я невольно улыбнулась. Спустя столько поколений вампирской крови дети уже почти не помнили, с чего начиналась наша история, не видели в различиях угрозы и не делили мир на «своих» и «чужих».

И, глядя на неё, я вдруг подумала, что, возможно, именно за такими детьми — спокойное и светлое будущее, в котором мне ещё предстоит сыграть свою роль.

Хорошая погода и неожиданно приподнятое настроение сами привели меня к одному любопытному месту. Кафе снаружи напоминало лавку ведьмы из старых сказок — тёмные витрины, резные символы, вывеска с потускневшими рунами. Я уже хотела пройти мимо, но что-то притянуло меня, и я всё же толкнула дверь.

Стоило переступить порог, как я тихо выдохнула от изумления. Внутри пространство будто жило своей магией: стены и потолок мягко светились, в воздухе витал сладковато-пряный аромат, от которого кружилась голова. Но сильнее всего меня поразили цветы. Они оплетали всё — колонны, арки, балки под потолком, словно живые, дышащие и вплетённые в само здание. Здесь было тепло, уютно и удивительно спокойно, как будто мир снаружи переставал существовать.

За стойкой стояла молодая девушка редкой, почти нереальной красоты. Ведьма — это чувствовалось сразу. В её

взгляде мерцала глубина, а магия струилась мягко и ненавязчиво, не давя, а приглашая. Она заметила меня и очаровательно улыбнулась.

— Ваше Высочество, здравствуйте. Какими судьбами к нам? — её голос был таким мелодичным, что я невольно задержала дыхание, вслушиваясь в каждую интонацию.

Ведьмы во многом похожи на нас, вампиров. Та же тьма, но иная по сути: гибкая, живая, обволакивающая. В нашем королевстве их уважали и даже побаивались, и не без причины. Хитрые, умные, чарующие — они всегда знали больше, чем говорили.

— Я хотела бы немного отдохнуть, — ответила, позволив себе мягкую улыбку. — Чашку кофе и десерт. На ваш вкус.

— Конечно, конечно, присаживайтесь, — поспешно откликнулась она.

Я заметила, как в её движениях мелькнула лёгкая скованность. Она немного смущалась и, вероятно, побаивалась меня, но держалась уверенно и профессионально, не позволяя страху взять верх. Это вызвало во мне тихое уважение. Я направилась к столику, чувствуя, что именно здесь, в этом странном цветущем кафе, могу позволить себе редкую роскошь — просто побыть собой, без титулов, ожиданий и вечной готовности к борьбе.

Я успела присесть за столик и немного осмотреться, когда ведьма вернулась. Она двигалась легко, почти неслышно, словно не касалась пола. На подносе стояла чашка с густым,

тёмным напитком и десерт — нежное пирожное, украшенное тонкими лепестками засахаренных цветов. От него исходил едва уловимый магический жар, приятный и манящий.

— Надеюсь, вам понравится, — сказала она, ставя поднос передо мной. Голос её звучал всё так же мягко, но теперь в нём появилась осторожная нотка, будто она колебалась, стоит ли говорить дальше.

Я поблагодарила и потянулась к вилке, но девушка не спешила уходить. Она стояла рядом, сжимая пальцы перед собой, и смотрела не на меня, а куда-то чуть в сторону, словно вслушивалась в то, чего я не могла услышать.

— Простите мою дерзость, Ваше Высочество... — она запнулась, затем всё же подняла взгляд. В её глазах мелькнуло что-то тревожное, слишком осознанное для простой хозяйки кафе. — Иногда будущее шепчет слишком громко.

Я замерла. Внутри неприятно кольнуло — интуиция, отточенная годами, насторожилась.

— И что же оно вам шепчет? — спросила я спокойно, хотя пальцы сами сжали вилку чуть крепче, чем нужно.

Ведьма нервно улыbnулась, словно сожалела о том, что начала этот разговор, но отступать уже не могла.

— Что самые глубокие раны наносят не враги, — тихо произнесла она. — А те, кого мы подпускаем ближе всего. Те, кого называем семьёй... или судьбой.

Слова легли тяжело, будто точно попали в уже существующую трещину внутри меня. Я почувствовала, как магия во-

круг едва заметно затрещала.

— И ещё, — добавила она почти шёпотом, наклоняясь ближе, — зло не всегда приходит с клыками и когтями. Иногда оно улыбается, называет вас по имени и говорит, что желает вам добра. Оно уже рядом. Гораздо ближе, чем кажется.

Она резко выпрямилась, будто испугавшись собственной смелости, и сделала шаг назад.

— Простите... — быстро сказала она уже обычным тоном. — Наслаждайтесь десертом.

И прежде чем я успела что-либо ответить, девушка развернулась и скрылась за дверью служебного помещения, оставив меня одну, с ароматным кофе, нетронутым пирожным и тяжестью в сердце.

Я медленно перевела взгляд на кофе. На мгновение мне показалось, что в нём мелькнул отблеск золота — драконьего, знакомого, тревожно родного.

Я усмехнулась и сделала глоток.

— Значит, вот как, — прошептала я сама себе. — Академия, истинный... и зло, которое уже рядом.

Глава 15. Столица

Карета тронулась ещё до рассвета. Колёса глухо стучали по камню дворцового двора, и этот звук странным образом отзывался внутри меня — как отсчёт. До Академии, до новой жизни, до неизбежного столкновения со всем тем, от чего я так долго бежала.

Я сидела у окна, выпрямив спину, и смотрела, как знакомые башни дворца медленно скрываются в утреннем тумане. Напротив меня, утонув в подушках и дорогих плащах, расположилась Летиция. Она выглядела так, будто ехала не на учёбу, а на коронацию: идеально уложенные волосы, безупречный макияж и выражение лёгкой скуки на лице.

— Мы едем слишком медленно, — капризно протянула она, постукивая ногтем по подлокотнику. — Неужели нельзя было взять карету получше?

Я не ответила. За годы я усвоила простую истину: Летиция питается эмоциями. Любыми, даже раздражением.

Молчание было моим маленьким, но приятным оружием.

— Сестрица, почему ты снова меня игнорируешь? — она резко повернулась ко мне. — Я с тобой разговариваю.

— Ты жалуешься, — спокойно поправила я, не отрывая взгляда от окна. — Это разные вещи.

Она фыркнула и демонстративно отвернулась, но я чувствовала её злость кожей. Карета наполнилась напряжением,

густым, почти осязаемым. Моя вампирская сущность отзы-
валась на него лёгким покалыванием в висках.

Вскоре дорога изменилась. Воздух стал плотнее, тяжелее,
будто мир вокруг задержал дыхание. Впереди показались ар-
ки портала — древнего, вырезанного из тёмного камня, по-
крытого светящимися рунами. Они медленно переливались
холодным синим светом, реагируя на приближение.

— Наконец-то, — оживилась Летиция, приподнимаясь.
— Долгие поездки выматывают.

Карета въехала в портал, и на мгновение всё исчезло. Я
сжала пальцы на коленях, позволяя своей силе удержать рав-
новесие. Где-то глубоко внутри отозвалась другая энергия.
Она будто поддержала меня, не давая потеряться в переходе.

Летиция ахнула и вцепилась в сиденье.

— Ненавижу порталы, — прошипела она, побледнев.

Через мгновение карета выехала по другую сторону.

Перед нами раскинулась столица Империи. Город был
огромен. Он не кричал роскошью — он ею дышал. Высо-
кие шпили из белого камня и золота, парящие мосты, по ко-
торым двигались экипажи и магические платформы, широ-
кие улицы, заполненные представителями самых разных рас.
Магия здесь не пряталась — она жила в каждом фонаре, в
каждой вывеске, в самом воздухе.

Я невольно задержала дыхание.

— Впечатляет, — пробормотала я.

— Конечно впечатляет, — самодовольно отозвалась Ле-

тиция. — Это же Империя. Здесь нас наконец-то оценят по достоинству.

Я посмотрела на отражение в стекле. Две сестры. Две вампириши.

И две совершенно разные дороги, которые начинались здесь, в самом сердце имперской столицы. Я чувствовала ясно: с этого момента каждая ошибка будет стоить дорого. Игра уже началась.

Карета замедлила ход, направляясь к кварталу Академии Магии. Я первой вышла наружу и на мгновение замерла.

Перед Академией царил настоящий хаос. Десятки, если не сотни карет выстраивались вдоль широкой площади, куцера перекрикивались, слуги спешно вытаскивали чемоданы, а сами студенты — взволнованные, нарядные, испуганные и восторженные одновременно — толпились у входа. Воздух гудел от голосов, смеха и магии, искрящейся так плотно, что она ощущалась на коже.

— С ума сойти... — выдохнула Летиция, выходя следом и тут же принимая величественную позу. — Смотри, сколько взглядов. Они уже понимают, кто мы.

Я не ответила.

Моё внимание приковало совсем другое.

Сначала это было ощущение. Резкое, болезненное, будто кто-то дернул за нить глубоко внутри. Магия вспыхнула, кровь ускорила бег, а сердце пропустило удар. Я сделала шаг вперёд, не сразу понимая, что происходит.

А потом увидела его.

Он стоял чуть поодаль, у другой кареты, окружённый несколькими студентами. Высокий, уверенный, с тёмными волосами, отливающими на солнце синеватым оттенком. Его осанка выдавала силу, которую невозможно было скрыть — хищную, древнюю, драконью. Он смеялся, но в этом смехе не было лёгкости, только скрытая усталость и напряжение.

Мир вокруг будто потерял резкость. Шум стал глухим, лица — размытыми. Остался только он и это проклятое, желанное притяжение, от которого невозможно было отвернуться. Связь между нами вспыхнула ярко и болезненно, словно магия решила напомнить: это судьба.

В тот же миг он поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Связь внутри меня откликнулась мгновенно — горячо, болезненно, до дрожи в пальцах. Сердце сбилось с ритма, магия вспыхнула под кожей, требуя шагнуть навстречу.

Он был моим истинным. В этом не оставалось ни малейших сомнений.

А вот для него я была никем.

В его взгляде не мелькнуло узнавания — лишь беглый, оценивающий интерес, каким смотрят на случайных прохожих. Он слегка приподнял бровь, скорее из вежливости, чем из удивления, и тут же отвернулся, снова повернувшись к своим друзьям — высоким, уверенным в себе драконам в дорогих костюмах. Они смеялись, переговаривались, словно

вокруг не существовало ничего, кроме их собственного мира.

Меня накрыло запоздало и больно.

Я резко вдохнула, чувствуя, как внутри что-то сжимается, трескается, осыпается холодными осколками. Прикусила губу, пытаясь удержать эмоции, но кожа легко поддалась, и во рту появился вкус крови. Это отрезвило, но не спасло.

Он не почувствовал меня, — мысль была ясной и жестокой. Для него я просто незнакомка в толпе.

Я медленно выпрямилась, стерла каплю крови большим пальцем и позволила себе короткую, опасную улыбку.

«Ты ещё пожалеешь, — пообещала я мысленно, глядя ему в спину. — Ты будешь искать мой взгляд в толпе, ловить каждый мой шаг, каждую улыбку. Ты будешь бегать за мной, дракон... и умолять о моей любви».

— Алисия, — раздражённо окликнула Летиция. — Ты идёшь?

Я повернулась к ней спокойно, почти безмятежно.

— Иду, — ответила я ровно.

И, не оглядываясь больше, направилась к входу в Академию, чувствуя, как за моей спиной вспыхивает магия, как бабочки взметнулись следом, реагируя на мой гнев и решимость.

Впереди был целый год. И я позабочусь о том, чтобы однажды он понял, кого потерял.

Глава 16. Заселение

Мы прошли через ворота Академии, и я сразу почувствовала, как меняется воздух. Он стал плотнее, насыщеннее магией, чужой и многоголосой, будто стены впитали в себя сотни заклинаний. Вокруг царил суеда: одни слуги выгружали сундуки из карет, другие споро подхватывали чемоданы, преподаватели отдавали короткие распоряжения, не повышая голоса, но так, что их слышали все.

И всё же даже в этом хаосе я чувствовала взгляды. Настороженные. Осторожные. Иногда — откровенно враждебные. Вампиров здесь не любили.

Не ненавидели открыто, слишком уважаем был наш род, слишком древними были договоры между королевствами. Но и тепла в этих взглядах не было. Нас оценивали и прикидывали, опасны ли мы. Я шла спокойно, с прямой спиной и высоко поднятой головой, будто не замечала чужого шепота за спиной. Летиция держалась рядом, на удивление тихая, но я знала — она впитывает всё происходящее, как губка, и уже строит планы.

Нас остановила группа магистров. Один из них, высокий мужчина с серебряными висками, быстро проверил списки, назвал наши имена и передал в руки слуг Академии. Те действовали слаженно и молча, словно отточенный механизм: сундуки исчезали, подписи ставились, ключи передавались

из рук в руки.

— Комнаты уже подготовлены, — сухо сообщил один из слуг. — Прошу следовать за мной.

Коридоры Академии поражали. Высокие своды, витражи с изображениями древних магов и существ, мягкий свет, который будто исходил не от факелов, а от самих стен. Здесь всё дышало историей и силой. Я поймала себя на мысли, что, несмотря на настороженность окружающих, мне... интересно. Очень.

Моя комната находилась в северной башне. Когда дверь за мной закрылась, я наконец осталась одна и позволила себе выдохнуть.

Комната оказалась... милой. Не огромной, как покои во дворце, где шаги терялись в пустоте, а потолки давили высотой. Здесь всё было соразмерным: аккуратная кровать с темно-синим покрывалом, письменный стол у окна, книжные полки, небольшой диван и шкаф. Каменные стены были светлыми, а окно выходило на внутренний сад Академии.

Я медленно прошлась по комнате, провела пальцами по деревянной поверхности стола, вдохнула запах свежести и старых книг.

— Ничего, — тихо сказала я самой себе. — Прорвемся.

Вместе с ключами преподаватели передали аккуратно свёрнутый лист с расписанием. Я развернула его и бегло пробежалась взглядом по ровным строкам.

Первые уроки начинались уже с завтрашнего дня. Ника-

ких поблажек, никакого мягкого входа — нам сразу давали понять, что здесь не привыкли тратить время впустую.

«История рас» стояла первой в списке. Я невольно усмехнулась: дисциплина, которая для кого-то была сухой теорией, для меня всегда отзывалась личной болью и памятью крови. Всё то, из чего соткана нынешняя Империя, и о чём предпочитали говорить осторожно, сглаживая острые углы.

Следом шёл «Контроль магии». Вот здесь улыбка вышла нервной. Этот предмет был обязателен для всех рас, но для таких, как я, — жизненно необходим. Магия крови не прощала слабости и ошибок, особенно когда эмоции выходили из-под контроля. Я уже знала, что этот курс станет испытанием не только для силы, но и для выдержки.

Завершали список «Основы Имперского права». Политика, законы, договоры, тонкая паутина обязательств и власти. То, от чего я столько лет пыталась отстраниться, притворяясь, что меня это не касается. Но я слишком хорошо понимала: игнорировать этот предмет не получится.

Я сложила расписание и медленно выдохнула.

Уже завтра всех студентов ожидали на общем завтраке в Большом зале. Сегодняшний ужин же пообещали принести прямо в комнаты, избавляя нас от лишней суеты и обязательных улыбок.

Это оказалось маленьким, но таким важным облегчением. Мне не нужно было сейчас выходить к другим, ловить на себе настороженные или любопытные взгляды, притворяться

спокойной и безупречно собранной. Я слишком многое чувствовала для первого дня.

Опустилась на кровать и, не сдержавшись, прижала ладонь к груди, будто могла удержать сердце на месте.

— Успокойся... — прошептала я себе почти с мольбой.

Но оно не слушалось. Сердце билось неровно и слишком быстро, словно я только что бежала изо всех сил, а не стояла в тишине комнаты. С того самого мгновения, как я увидела его среди толпы у ворот академии, оно так и не смогло вернуться к привычному ритму. Один его взгляд, и внутри что-то сдвинулось, нарушив тщательно выстроенное равновесие.

Он был ещё красивее, чем в моих воспоминаниях.

Выше, сильнее, холоднее. Его образ будто отпечатался в сознании — чётко и болезненно. В нём было что-то от падшего ангела: опасная красота, уверенность и сила, от которых хотелось либо бежать, либо подойти вплотную.

Я медленно выдохнула, заставляя себя взять эмоции под контроль. Сейчас не время. Не место.

— Это всего лишь великолепно красивый мерзавец, успокой своё сердце, Алисия, — тихо сказала я себе, с кривой усмешкой, стараясь прогнать предательское тепло из груди.

Я поднялась с кровати и занялась делом, самым простым и приземлённым из возможных. Разобрать вещи оказалось неожиданно приятно. Платья заняли своё место в шкафу, учебные принадлежности легли ровными стопками на стол, несколько любимых книг я аккуратно расставила на полке у

изголовья. Комната понемногу наполнялась мной, переставала быть чужой.

Когда в дверь негромко постучали, я даже вздрогнула, настолько погрузилась в свои мысли. Служанка внесла поднос с ужином и тихо удалилась, не задавая лишних вопросов. Только тогда я поняла, насколько вымоталась за этот бесконечный день. Простая еда показалась неожиданно вкусной. Я ела медленно, не торопясь, глядя в окно, за которым академический двор постепенно тонул в мягком вечернем полумраке. Где-то там, среди этих стен и огней, был и он. Мысль об этом снова кольнула, но уже не так болезненно.

Закончив ужин, я умылась, смывая с лица усталость и чужие взгляды, переоделась в лёгкую ночную рубашку и погасила свет. Лёжа в постели, смотрела в потолок, где тени от магических светильников складывались в странные, живые узоры. Мысли упрямо возвращались ко всему произошедшему.

Я знала одно: сон сегодня будет тревожным.

Слишком много всего навалилось. Слишком многое ещё впереди. И где-то в этой академии, среди каменных стен и древней магии, моя судьба уже ждала, затаившись и наблюдая.

С этой мыслью я наконец закрыла глаза, позволяя усталости взять своё, даже если разум всё ещё отказывался молчать.

Глава 17. Имена

Я проснулась удивительно отдохнувшей. Опасения, что ночь принесёт кошмары и тревожные сны, рассыпались без следа. Напротив — я спала так крепко и спокойно, как, кажется, не спала никогда в жизни. В этом сне было ощущение защиты, будто кто-то невидимый оберегал меня, удерживал рядом, не позволяя тревоге пробраться внутрь. Тёплые, надёжные руки словно обнимали меня, и от этого становилось спокойно и правильно.

Эта мысль мгновенно вытолкнула на поверхность образ мужчины, которому я бы без колебаний позволила занять это место. Осознание оказалось таким внезапным, что я тут же вспыхнула, уткнулась лицом в подушку и тихо простонала, больше злясь на себя, чем смущаясь.

— Ну сколько можно... — пробормотала я, закрывая глаза. — Хватит уже занимать все мои мысли.

Собравшись с духом, я поднялась с кровати, умылась холодной водой и наконец окончательно прогнала остатки сна. Утро было ясным, а в голове — неожиданно тихо. Собраться оказалось легко: письменные принадлежности подготовила ещё с вечера, поэтому оставалось лишь надеть форму и можно было выходить.

Элизабет действительно постаралась. Ткань была мягкой, приятной к коже, форма сидела идеально, не сковывая дви-

жений и в то же время подчёркивая фигуру. Юбка и пиджак глубокого тёмно-синего оттенка выглядели благородно и сдержанно, а алый бантик на рубашке добавлял образу изящный акцент. Я задержалась у зеркала чуть дольше, чем планировала, внимательно разглядывая отражение, и позволила себе короткую, довольную улыбку.

Дорога до Большого зала не представляла собой ничего сложного. Вчера слуги подробно объяснили направление, и я шла уверенно, лишь изредка оглядываясь по сторонам. Настороженные взгляды, которые я ловила на себе, неприятно царапали, напоминая об отношении других к вампирам. Это раздражало, но я упрямо заставляла себя не заикливаться на этом.

Вместо этого я смотрела на саму Академию. Высокие своды, древний камень, пронизанный магией, ухоженные аллеи и ощущение силы, скрытой в каждом углу, понемногу отвлекали меня и успокаивали. Здесь начинался новый этап моей жизни.

Я так упорно старалась отвлечься от мыслей и чужих взглядов, что не сразу осознала, как именно врезалась в кого-то на повороте. Мир пошатнулся — и в следующий миг меня мягко, но уверенно подхватили за талию, не дав упасть. Когда меня вернули в вертикальное положение, я медленно подняла взгляд... и сердце пропустило удар.

Это был он. Мой истинный.

От одного лишь прикосновения по телу прошла волна, по-

хожая на разряд магии: дыхание сбилось, пальцы предательски задрожали, а кровь зашумела в ушах. Магия внутри меня отозвалась мгновенно, жадно, узнавая. Я чувствовала его слишком ясно, слишком близко, так, как чувствуют только того, кого выбрала сама судьба. Но на его лице не отразилось ничего подобного. Ни вспышки узнавания, ни тени удивления. Лишь лёгкая, спокойная улыбка — почти рассеянная. На щеке виднелся след от подушки, а во взгляде читалась утренняя рассеянность, словно он ещё не до конца проснулся.

— Каэл, ну ты идёшь? — окликнул его кто-то из компании, стоявшей неподалёку.

Каэл...

Имя мягко отозвалось где-то глубоко внутри, словно я знала его всегда. Красивое. Под стать ему.

— Да иду, иду, — буркнул он, поморщившись. — Не шуми, и так голова трещит.

По его виду было ясно: ночь у него выдалась тяжёлой. Он отпустил меня, словно это прикосновение ничего для него не значило, и уже собирался уйти, но всё же на мгновение задержал на мне взгляд.

— В следующий раз будь аккуратнее, — произнёс он ровно, без упрёка и без интереса.

И ушёл.

Просто развернулся и направился к друзьям, оставив меня стоять посреди коридора с гулом в ушах и пустотой внут-

ри. Такое равнодушие от того, кого мне выбрала сама магия, ударило большее пощёчины. Будто меня внезапно спустили с небес на землю.

Я задержалась всего на пару секунд, заставляя себя выравнивать дыхание и собрать остатки самообладания, а потом всё-таки двинулась дальше. Большой зал уже был открыт, и оттуда доносился гул голосов, звон посуды и приглушённый смех. Я шагнула внутрь — и на мгновение остановилась.

Зал поражал размахом: высокие своды, витражные окна, сквозь которые лился утренний свет, длинные столы, уже занятые студентами со всех концов Империи. Воздух был наполнен магией, едва уловимой, но живой, словно сама Академия внимательно наблюдала за каждым из нас. Я сделала несколько шагов вперёд, стараясь держаться прямо, несмотря на всё ещё ноющее внутри чувство.

И почти сразу заметила Летицию.

Она уже успела устроиться за одним из столов и, как всегда, оказалась в самом центре внимания. Вокруг неё сидели девушки — нарядные, оживлённые, с искрами любопытства в глазах. Летиция что-то рассказывала, активно жестикулируя, смеялась легко и звонко, и все вокруг слушали её с явным интересом.

На мгновение я поймала себя на том, что наблюдаю за ней со стороны, будто за совершенно чужим человеком. Ей здесь было легко. Её принимали и уже любили.

Когда она заметила меня, её лицо мгновенно озарилось

улыбкой.

— Алисия! — позвала она и помахала рукой, приглашая подойти ближе.

Я сделала несколько шагов к столу, и почти сразу почувствовала, как меняется атмосфера. Смех стал тише, разговоры оборвались на полуслове. Когда я присела рядом, взгляды девушек скользнули по мне — цепкие, холодные, откровенно недружелюбные. В них не было ни интереса, ни вежливого любопытства, лишь настороженность и плохо скрытое раздражение.

Что я уже успела им сделать?

Летиция по-прежнему улыбалась, будто ничего не замечала, или делала вид, что не замечает, расправила плечи и с особым удовольствием произнесла:

— Девочки, познакомьтесь. Это моя дорогая старшая сестрица, надежда нашего королевства — Алисия Блэкторн.

Я натянуто улыбнулась, чувствуя, как чужие взгляды прожигают меня насквозь, и ясно поняла: это утро в Академии будет куда сложнее, чем я ожидала.

На несколько секунд за столом повисла неловкая пауза. Девушки переглянулись между собой, словно решая, стоит ли вообще реагировать на слова Летиции. В итоге одна за другой они всё же начали представляться — нехотя, с натянутыми улыбками и подчеркнуто вежливым тоном.

— Миранда... — произнесла светловолосая девушка, едва заметно склонив голову.

— Касси, — сухо добавила другая, даже не взглянув мне в глаза.

— Лорейн, — сказала третья, задержав на мне оценивающий взгляд дольше остальных.

Имена звучали одно за другим, ни одна из девушек не назвала свою фамилию, и это укололо куда сильнее, чем открытая грубость. В Империи, да и в нашем королевстве, фамилия значила многое: род, влияние, история. Но они ограничивались лишь именами, словно отмахивались от меня, давая понять: доверия нет, интереса — тоже.

Я вежливо кивала каждой, отвечала сдержанной улыбкой, сохраняя безупречную осанку, будто вовсе не замечала этого тонкого пренебрежения.

Летиция рядом со мной, напротив, выглядела совершенно довольной. Она сидела расслабленно, уверенно, словно паучиха в центре идеально сплетённой паутины, ловко удерживая внимание окружающих. Её глаза бегло скользили по лицам девушек, задерживались на мне лишь на мгновения — ровно настолько, чтобы убедиться: всё идёт по плану.

Глава 18. Начало занятий

Над залом разнёсся глубокий, усиленный магией голос, от которого звякнула посуда и разговоры мгновенно оборвались.

— Прошу внимания, студенты.

Я подняла голову и увидела ректора, стоящего на возвышении у центрального стола преподавателей. Высокий, седовласый, с тяжёлым, пронизывающим взглядом, он одним своим присутствием внушал уважение. Магия вокруг него ощущалась плотной, древней, словно само здание откликалось на его слова.

— Добро пожаловать в Имперскую Магическую Академию, — продолжил он. — Для кого-то из вас это начало пути, для кого-то — шанс доказать, что вы достойны силы, которой обладаете.

Завтрак тем временем подходил к концу. Слуги бесшумно убрали со столов, а я поймала себя на том, что напряжение внутри немного ослабевает. Взгляды девушек больше не прожигали меня — все внимание зала было приковано к ректору.

— Здесь не имеет значения ваше происхождение, титулы или связи, — его голос стал строже. — В этих стенах вы прежде всего студенты. Прошу вас вести себя достойно, уважать друг друга и избегать любых конфликтов, особенно на

чувствительные темы.

Речь ректора завершилась так же внезапно, как и началась. Он коротко кивнул, и шум в зале постепенно вернулся — приглушённый, настороженный, будто каждый обдумывал услышанное. Студенты начали подниматься со своих мест, кто-то спешил к выходу, кто-то обсуждал расписание, а кто-то уже делился слухами, которыми Академия, казалось, жила постоянно.

Я тоже встала, собираясь уйти, но Летиция положила ладонь мне на запястье. Жест был мягким, почти заботливым, но я слишком хорошо знала его истинный смысл.

— Алисия, не убегай так сразу, — протянула она сладким голосом, улыбаясь так, что у неё на щеках появились ямочки. — Мы ведь теперь будем учиться вместе. Нужно держаться рядом, правда?

Я медленно посмотрела на её руку, затем перевела взгляд на лицо. В её глазах светилось удовлетворение, будто она уже считала этот разговор маленькой победой.

— Я не убегаю, — спокойно ответила я и аккуратно убрала её ладонь. — У меня занятия. Как и у всех здесь.

За столом снова повисло напряжение. Девушки обменялись быстрыми взглядами, и я отчётливо уловила их интерес, смешанный с ожиданием, им явно хотелось увидеть маленькую семейную сцену.

— Всегда такая занятая, — Летиция усмехнулась, но в её голосе мелькнула тень раздражения. — Академия ещё изме-

нит тебя.

— Возможно, — ответила я так же ровно. — Но не так, как ты надеешься.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя спиной чужие взгляды. Где-то позади Летиция рассмеялась — звонко, нарочито беззаботно, словно ничего не произошло. Этот смех преследовал меня до самых дверей зала.

В коридоре было прохладнее и тише. Каменные стены глушили звуки, и я наконец смогла выдохнуть. Первое утро в Академии только начиналось, а я уже ощущала, как вокруг меня медленно сжимается кольцо интриг, ожиданий и старых обид.

Я сжала в руке расписание и пошла вперёд.

Какими бы ни были эти стены, я собиралась выжить здесь. И не просто выжить, а стать сильнее.

Первое занятие проходило в одной из старейших аудиторий Академии — просторной, с высокими сводами и рядами каменных столов, отполированных временем и магией. Я вошла одной из последних и сразу почувствовала, как десятки взглядов скользнули по мне. Я сделала вид, что ничего не замечаю, и заняла свободное место у окна.

«История рас» значилась первым предметом, и это казалось символичным. Нас собирались учить прошлому, прежде чем позволят влиять на будущее.

Я только успела разложить тетрадь и перо, как по аудитории прокатился негромкий смех. Сердце отозвалось раньше,

чем разум успел что-то осмыслить.

Каэл.

Он сидел через несколько рядов, в окружении своих друзей. Откинувшись на спинку стула, он что-то говорил, явно насмешливое, и его лицо в этот момент было совсем другим — не холодным и отстранённым, как утром, а открытым, почти беспечным. Улыбка делала его еще красивее, живее, и от этого внутри у меня что-то предательски сжалось.

«Успокой своё сердце, Алисия», — напомнила я себе, но мысль вышла слишком слабой, чтобы заглушить ощущение тепла под рёбрами.

Он рассмеялся снова, чуть запрокинув голову, и свет из высоких окон зацепился за его волосы, будто нарочно выделяя его из толпы.

Я поспешно отвела взгляд и уткнулась в тетрадь, делая вид, что полностью сосредоточена на предмете. Перо послушно скользило по пергаменту, но буквы расплывались перед глазами. Магическая связь тихо пульсировала где-то глубоко внутри, напоминая о себе, будто насмешливо шептала, что от судьбы не спрятаться, даже если очень хочется.

Преподаватель начал лекцию, и аудитория постепенно стихла. Я заставила себя слушать, впитывать каждое слово, цепляться за знания как за якорь. Это была Академия. Место силы, интриг и будущих войн.

И если Каэл был частью моей судьбы, то мне предстояло научиться смотреть на него, не позволяя сердцу выдать меня

с головой.

Лекция текла размеренно, голос преподавателя был глухим и спокойным, будто он не просто излагал факты, а вплетал нас в самую ткань истории. Я слушала вполуха, потому что слова о происхождении рас отзывались во мне куда сильнее, чем в большинстве присутствующих. Это была моя история. История моей крови.

В ранние века вампиры не имели ничего общего с теми, кем мы стали сейчас. Мы были существами, помешанными на крови — не как на источнике жизни, а как на средстве власти. Кровь пили жадно, без меры, стремясь к силе, к могуществу, к бессмертию. Она использовалась в ритуалах, в обрядах, в войнах, и с каждым глотком разум мутнел всё сильнее. Сила приходила, да, но вместе с ней — безумие.

Преподаватель говорил об этом сухо, почти отстранённо, а я видела перед глазами картины, которые с детства сопровождали меня в учебных залах дворца: искажённые лица, алые руки, города, утонувшие в криках. Вампиры тогда не правили — они пожирали.

Переломным моментом стала война с феями. Один из древних кланов вампиров, ослеплённый жаждой крови, осмелился убить нескольких представителей их народа. Феи не знали пощады, когда речь шла о возмездии. В ответ они наложили проклятие, которое стало для нас приговором: солнце начало жечь нашу плоть. День превратился во врага, свет — в боль.

Так началась самая кровавая и жестокая династия в истории вампиров. Мы выживали, прячась, убивая ещё больше, теряя остатки разума. И, возможно, исчезли бы вовсе, если бы не она.

Вампирша, имя которой до сих пор произносят с благоговейным шёпотом. Принцесса Эвелин.

За всю свою жизнь она не выпила ни капли крови. Её разум оставался ясным, мысли — чистыми, а взгляд — пугающе трезвым. Она видела, как её сородичи губят себя и весь мир вокруг, и не смогла с этим смириться. Эвелин обратилась к магии — древней, запретной, такой, о которой даже сейчас предпочитают говорить уклончиво.

До конца не известно, что произошло той ночью. История сохранила лишь последствия. Она истребила всех вампиров, зависимых от крови, всех, кто не смог отказаться от жажды, провела ритуалы, сняв проклятие фей и наложив новое, куда более жестокое и справедливое.

С тех пор кровь стала для нас ядом.

Если вампир пьёт кровь — вместе с силой к нему приходит смерть.

Эта истина вбивалась в нас с детства, становилась частью воспитания, законом, который не обсуждали. Эвелин родила наследника, обеспечив продолжение рода, и вскоре умерла — слишком рано, слишком внезапно. Для расы, живущей по пять сотен лет, её смерть стала потрясением и символом жертвы.

Именно с этого момента мы начали строить новое королевство. Мирное. Основанное не на жертвоприношениях, а на защите. Не на страхе, а на порядке.

Я невольно выпрямилась, слушая последние слова лекции. Это была история боли, очищения и выбора. История, которой я гордилась, несмотря ни на что.

И всё же где-то на краю сознания мелькнула тревожная мысль: если наша сила всегда шла рука об руку с жертвой... то какую цену придётся заплатить мне?

Глава 19. Глупая

Общая гостиная утопала в мягком, почти ласковом свете магических светильников. Тёплое сияние скользило по стенам, отражалось в стеклянных колбах, наполняя воздух ощущением уюта, словно сама Академия пыталась внушить своим ученикам мысль о безопасности и единстве. В воздухе смешивались запахи травяного чая, сладкой выпечки и чего-то тонкого, цветочного — едва уловимого, но успокаивающего. Смех звучал негромко, приглушённо, будто даже радость здесь соблюдала правила приличия.

Я остановилась у входа и несколько мгновений просто стояла, собираясь с духом. Сердце билось слишком быстро, пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Казалось, стоит сделать шаг — и я нарушу хрупкое равновесие этого места. Но я всё же заставила себя двинуться вперёд.

У широкого окна я заметила небольшую группу девушек. Илэна, светловолосая принцесса фей, смеялась, чуть склонив голову, и её смех звучал легко, словно звон колокольчиков. Рядом с ней стояла Брионна из морского клана, высокая, с тёмно-синими волосами и холодными, как глубины океана, глазами. Они выглядели живыми, свободными, настоящими. И я, собрав остатки смелости, направилась к ним.

— Можно?.. — тихо произнесла я, подходя ближе. — Я подумала, что мы могли бы...

Я не успела договорить.

Разговор оборвался так резко, словно кто-то выключил свет. Улыбки на их лицах застыли. Илэна медленно выпрямилась, Брионна чуть заметно напряглась. Их взгляды скользнули по мне — по бледной коже, по тёмному платью, по слишком прямой осанке. В них не было злобы. Только настороженность. И что-то ещё... страх.

— Конечно... — ответила Илэна после паузы, но её голос звучал пусто. — Мы просто... уже собирались уходить.

— Да, — подхватила Брионна. — Дел много.

Кто-то рядом прошептал — почти неслышно, но я уловила каждое слово, будто оно было сказано прямо мне в ухо:

— Говорят, они чувствуют кровь на расстоянии...

Слова кольнули сильнее, чем я ожидала. Между нами словно выросла невидимая стена — прозрачная, но непреодолимая. Я стояла перед ними, улыбаясь изо всех сил, а внутри что-то медленно осыпалось, как хрупкое стекло.

В тот момент я вдруг остро осознала, насколько одинокой была среди этих сияющих, живых, шумных студентов. Словно призрак, случайно забредший на праздник жизни. Моя надежда на простую дружбу таяла с каждой секундой, уступая место знакомому чувству пустоты.

И всё, что мне оставалось, — сделать вид, что это было не больно.

Я вышла на террасу почти не помня, как это сделала. Холодный камень под ногами отрезвлял, вечерний воздух на-

полнял лёгкие свежестью. Над головой раскинулось высокое небо, а внизу, во внутреннем дворе Академии, мягко мерцали огни. Я оперлась ладонями о перила, пытаюсь унять дрожь в теле.

И именно тогда я увидела его.

Внизу, на залитом солнцем дворе, Каэл смеялся. По-настоящему — легко, широко, так, как смеются люди, не знающие, что такое одиночество. Вокруг него собрались другие студенты-дворяне: кто-то крутил в руках тренировочный клинок, кто-то поддразнивал, кто-то уже вступил в короткий, почти играющий поединок. Металл звенел, раздавались шутки.

Каэл двигался свободно, уверенно, словно весь мир принадлежал ему по праву. Его волосы ловили солнечный свет, и он смеялся так, будто в его жизни не существовало ни тяжёлых мыслей, ни прошлого, ни страха быть отвергнутым. Он был живым воплощением этого места — светлого, шумного, наполненного жизнью.

А я... я стояла наверху.

Между нами была всего лишь высота балкона — и целая пропасть.

Я вдруг остро почувствовала разницу. Не в статусе, не в силе, не в происхождении. В чём-то куда более болезненном. Он принадлежал этому миру. Его принимали, ему улыбались без оглядки.

А я — нет.

Сердце сжалось так резко, что стало трудно дышать. Это была не ревность и не злость. Скорее тихое, тянущее осознание: между нами была стена, которую не пересечь ни магией, ни титулом, ни даже судьбой.

Он был светом.

А я — тенью, стоящей в стороне и наблюдающей, как этот свет согревает всех, кроме меня.

Я отвернулась первой. Потому что смотреть дальше было невыносимо.

Моя комната встретила меня тишиной. Глухой, тяжёлой, давящей. Свет магических светильников казался слишком холодным, слишком ровным — ни тени уюта, ни намёка на тепло. Я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, медленно сползла на пол, обхватила колени руками и позволила себе то, чего не делала уже очень давно — заплакать. С надрывом, с дрожью в плечах, с глухими всхлипами, которые я пыталась подавить ладонью.

— Какая же ты глупая... — прошептала я в пустоту, голос сорвался. — Какая наивная, Алисия...

Слёзы жгли глаза, стекали по щекам, капали на тёмную ткань платья. Я злилась на себя сильнее, чем когда-либо. За надежду. За то, что позволила сердцу поверить в невозможное. За эти нелепые, детские мечты о том, что кто-то вроде него сможет... увидеть меня.

— Как он может видеть в тебе что-то, кроме монстра? — шептала я, будто сама себя судила. — Ты — вампир. Прин-

цесса тьмы. Та, от кого отворачиваются, кого боятся, о ком шепчутся за спиной.

Я вспомнила его смех. Его лёгкость. То, как он стоял среди света, словно был его частью. И почувствовала, как внутри что-то болезненно сжимается, крошится, ломается.

— Ты не из его мира, — сказала я вслух, почти с яростью. — И никогда не будешь.

Слова ранили сильнее любого клинка, потому что в них была правда. Грубая, холодная, беспощадная. Я прижала ладони к лицу, пытаясь спрятаться от собственных мыслей, но они всё равно находили меня.

Слёзы уже высохли, оставив после себя лишь тяжёлую пустоту и глухую усталость, словно я выжала из себя всё до последней капли. Но вместе с этим внутри медленно, почти болезненно рождалось другое чувство — не светлое, не радостное, а упрямое и цепкое, будто тонкий росток, пробивающийся сквозь камень. Это была не надежда в привычном понимании. Скорее нежелание окончательно сломаться, отказ позволить отчаянию проглотить меня целиком.

Я горько усмехнулась. Какой наивной я была, ожидая, что меня здесь примут сразу, без настороженности и страха. С моими нулевыми навыками общения, с тяжёлой тенью репутации вампиров за спиной — разве могла я рассчитывать на радушный приём? В этом мире нас привыкли бояться, даже если мы давно перестали быть теми чудовищами из старых легенд.

Летиция была другой. Она выросла не в диких лесах или тёмных библиотеках, а в изысканной и жестокой среде межрасовой знати. С пелёнок её учили говорить нужные слова, улыбаться вовремя, быть удобной и понятной. Для неё общение было таким же естественным, как дыхание. Даже её вампирская природа не мешала ей вливаться в общество — наоборот, придавала загадочности, которую окружающие принимали с восторгом. А я... я росла иначе. Меня воспитывали как оружие, как будущую защитницу, как идеальный клинок. Вместо игр — спарринги до кровавых ссадин. Вместо сказок на ночь — изучение анатомии смертных и бессмертных рас. Меня учили читать по сердечному ритму, а не по выражению глаз. В мире, где чувства считались брешью в доспехах, я так и не научилась быть... своей. Просто собой.

Но сдаваться было нельзя. Я чувствовала это на уровне инстинкта, того самого, что вырубал во мне командир. Если позволю одиночеству вцепиться в горло — оно загрызёт меня заживо.

Хватит слёз. Хватит жалости к себе. Я вернулась в этот мир не для того, чтобы прятаться в тени чужих улыбок или завидовать тем, кому всё даётся легко. Я вернулась, чтобы занять своё место под этим солнцем. И если для этого придётся научиться сиять — я научусь. Пусть даже через боль.

Что ж. Раз не вышло быть собой, придётся стать лучшей актрисой. Улыбка — тот же выпад. Невинный вопрос — финт. Я выучила десятки боевых стилей. Смогу выучить и

этот. Ведь отступить некуда. Поле боя — здесь.

Я глубоко вдохнула, позволяя этой новой, непривычной решимости расправить внутри меня плечи. Она больше не была хрупкой, как надежда, — скорее холодной, тяжёлой, но удивительно устойчивой. Мне не нужно, чтобы меня любили все. Мне не нужно одобрение толпы или чьё-то сочувствие. Но я обязана выиграть эту войну — тихую, незаметную, ту, что ведётся внутри. Ради себя. Ради будущего, которое я не позволю у меня отнять. Ради того дня, когда смогу выдохнуть и с уверенностью сказать: я на своём месте.

И, возможно... ради того самого дракона, который даже не догадывался, какую бурю поднял одним лишь равнодушным взглядом.

С этими мыслями мой первый день в Академии подошёл к концу. А уже на следующее утро, едва проснувшись и позавтракав почти на автомате, я приняла решение больше не откладывать свою жизнь «на потом». Мне нужно было действовать.

Ноги сами привели меня в библиотеку.

Я чувствовала это странное, почти болезненное притяжение ещё издали — словно тонкая нить тянула меня сквозь коридоры. И когда я вошла внутрь, сердце пропустило удар. Он был там.

Каэл сидел за дальним столом, окружённый свитками и книгами. Гербы империи, трактаты по управлению, хроники северных земель — всё было разложено аккуратно, словно

продолжение его самого. Он склонился над страницами, сосредоточенный, спокойный. Свет из высоких окон падал на его волосы, и на мгновение мне показалось, что передо мной не человек, а живое воплощение силы и уверенности.

Сердце болезненно сжалось.

«Не подходи», — холодно шептал разум, предупреждая о боли и унижении.

«Скажи хоть что-нибудь», — умоляло сердце, глупое, упрямое, всё ещё надеющееся.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Пол мягко отозвался под каблуками, и этот звук показался оглушительным в тишине библиотеки. Я почти пожалела о своём решении... но было поздно.

Он поднял голову.

Наши взгляды встретились.

И в этот миг мне показалось, что весь мир — книги, стены, сама Академия — замер, ожидая, что будет дальше.

Глава 20. Первая попытка

Он смотрел на меня ясным и внимательным взглядом, но в нём не вспыхнуло узнавание, не промелькнуло даже тени эмоций, на которые я, против воли, всё ещё надеялась. Лишь спокойный интерес — вежливый, отстранённый, как у человека, привыкшего оценивать мир без лишних чувств. Это отрезвляло почти так же сильно, как вчерашнее равнодушие.

— Принцесса Алисия, — произнёс он спустя короткую паузу, чуть наклоняя голову в безупречно выверенном жесте. Его голос звучал ровно, уверенно, без тени насмешки или тепла. — Чем могу быть полезен?

Я на мгновение замешкалась, ощущая, как все заготовленные слова рассыпаются пеплом. Сердце снова ускорило бег, но я заставила себя выпрямиться и встретить его взгляд так же прямо, как он смотрел на меня. Если я и собиралась что-то менять в этой жизни, начинать следовало именно сейчас — с умения не отступать.

— Я не хотела мешать, — ответила я спокойно, удивляясь собственному голосу. — Просто заметила, что вы изучаете хроники Севера. В нашем королевстве сохранились манускрипты, которых нет в академических архивах. Я подумала, что эта информация могла бы быть вам полезна.

Он перевёл взгляд на разложенные перед собой книги, затем снова на меня, обдумывая мои слова. Несколько долгих

секунд тишины показались вечностью. Наконец Каэл слегка кивнул.

— Благодарю. Это... было бы полезно, — признал он после раздумья. — Возможно, позже я воспользуюсь вашим предложением.

Это не было обещанием. Но и отказом — тоже.

Он вновь опустил глаза к тексту, мягко давая понять, что разговор окончен. Я поняла намёк и сделала шаг назад, не позволяя себе ни разочарованного вздоха, ни поспешного бегства. Он не увидит моей слабости. Не сегодня.

Развернувшись, я медленно направилась к выходу из библиотеки. В груди всё ещё саднило, но под этой болью уже крепло другое чувство — не отчаяние, а решимость. Он не оттолкнул меня. Он просто пока ещё не знал меня, а значит, у меня всеещё был шанс.

Когда дверь за мной тихо закрылась, я позволила себе короткую, почти незаметную улыбку.

Не победа, но и поражением я это больше не считала.

Я не успела сделать и нескольких шагов по коридору, как услышала за спиной знакомый голос. Именно такой, каким Летиция пользовалась, когда хотела казаться доброй.

— Алисия... — Она догнала меня. — Ты в порядке?

Я обернулась и увидела её — безупречно собранную, спокойную, с тем выражением лица, в котором сочувствие было выверено до мелочей. Она внимательно всматривалась в меня, словно пыталась прочесть между строк, и, кажется, пре-

красно видела трещины, которые я так старательно прятала.

— Всё хорошо, — ответила я сухо, но она уже шагнула ближе, нарушая привычную дистанцию.

— Я видела, как ты говорила с принцем Каэлом, — продолжила Летиция почти шёпотом, будто делилась тайной. — Ты так смело подошла к нему... Я восхищена.

По её насмешливому взгляду я сразу поняла: она наслаждалась тем, что Каэл ко мне равнодушен, и упивалась моим одиночеством в стенах Академии. От ярости я стиснула кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Во мне вспыхнула жгучая ревность — чувствовалось, что Летиция уже была уверена, что он будет её.

— Просто не принимай близко к сердцу, если он был... холоден, — добавила она, сложив руки перед собой с видом неподдельного участия. — У вампиров сейчас, сама знаешь, репутация не лучшая. Многие всё ещё видят в нас угрозу. Особенно такие, как Каэл. Чтобы привлечь внимание подобного принца, — Летиция чуть склонила голову, будто подбирая слова, способные ранить больше всего, — нужно быть безупречной. Во всём. В манерах, в магии, в связях. А тебе... — она сделала многозначительную паузу, — с этим будет непросто. Ты всё-таки больше воин.

Я стиснула зубы, изо всех сил удерживаясь от грубости. Она так искусно, под маской доброжелательности, указывала на мою несостоятельность, намекая, что у неё шансов куда больше. Что моё место — на поле боя с мечом в руках,

а не в покоях принца. Она смотрела на меня с почти материнской печалью, но в глубине её глаз я уловила знакомый холодный блеск. Летиция не утешала. Она аккуратно, почти нежно, вбивала гвозди туда, где и так всё болело, напоминая о каждом страхе и сомнении.

— Я просто переживаю за тебя, сестра. Не хочу, чтобы тебе было больно.

Я медленно выдохнула, заставляя себя удержать спокойствие. Внутри всё клокотало, но я не позволила ярости и обиде вырваться наружу. Летиция жаждала моей реакции. Моих слёз. Моей слабости.

— Спасибо за заботу, — ответила я ровно, не отводя взгляда. — Я справлюсь.

Она едва заметно улыбнулась, будто получила именно тот ответ, на который рассчитывала.

Мы шли рядом по длинному коридору Академии, и Летиция без усилий поддерживала лёгкую, почти непринуждённую беседу, будто между нами никогда не стояли годы недосказанности, зависти и боли. Она говорила о расписании, о преподавателях, о том, как удобно расположены залы для приёма гостей, сетовала на строгость некоторых наставников и с притворным воодушевлением делилась слухами, которые уже успела собрать. Я кивала в нужных местах, отвечала односложно, позволяя ей заполнять тишину своим голосом, но внутри меня всё сжималось от глухого раздражения.

С каждым её словом я всё отчётливее чувствовала, как

под этим дружелюбным тоном скрывается привычное превосходство, желание напомнить, что ей здесь легко, что люди тянутся к ней сами, что мир принимает её без сопротивления. Я слушала и думала только о том, как сильно хочу вырваться из этого коридора, сменить удушливую вежливость на звон металла, на тяжесть меча в ладонях, на честную, понятную боль в мышцах. Там, на плацу, всё проще: либо ты удержишь удар, либо падаешь, и никто не улыбается тебе, вонзая слова под рёбра.

— Ты такая напряжённая, — заметила Летиция, бросив на меня быстрый внимательный взгляд. — Академия тебя угнетает?

— Просто устала, — ответила я, не глядя на неё. — Хочу размяться.

Она тихо рассмеялась.

— Ты все та же, — протянула она. — Вечно с мечами и тренировками. Но знаешь, иногда полезно и расслабляться. Здесь важно не только быть сильной, но и заметной.

Мы остановились у развилки коридоров, и я с облегчением поняла, что дальше наши пути расходятся. Я уже собиралась попрощаться и свернуть в сторону тренировочных площадок, когда Летиция снова заговорила.

— Кстати, сегодня вечером будет небольшая вечеринка. Ничего официального, просто студенты, музыка, напитки. Думаю, тебе стоит прийти. Им нужно привыкнуть к тебе, увидеть другой.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё холодело. Летиция определённо что-то задумала.

— Подумай об этом, сестра. Это может быть полезно для тебя.

Я кивнула, сдерживая свои эмоции, и, попрощавшись, наконец ушла, чувствуя, как с каждым шагом раздражение сменяется злым, жгучим желанием выплеснуть всё накопившееся. Меч ждал меня, и это было единственное приглашение, которое мне действительно хотелось принять.

Глава 21. Вечеринка

Я шла к плацу быстрым, почти резким шагом, и с каждым пройденным метром слова Летиции всё настойчивее звучали у меня в голове. Одна только мысль о вечеринке вызывала внутреннее сопротивление и усталость, словно мне предлагали снова выйти на поле боя, где я заранее знала, что проиграю. Я ненавидела такие сборища, ненавидела необходимость подбирать слова, следить за выражением лица и гадать, что в очередной раз подумают обо мне другие.

И всё же, как бы ни хотелось отмахнуться, внутри зудело неприятное, но честное понимание: она была права. Нравилось мне это или нет, но здесь, в Академии, сила измерялась не только умением держать клинок. Если я хотела выстоять, если хотела перестать быть чужой, мне придётся хотя бы попытаться сыграть по этим правилам. Мысль о том, что Летиция может использовать мой отказ против меня, добавляла решимости, хотя и вызывала горечь.

— Хорошо, — пробормотала я себе под нос, словно давая обещание самой себе. — Я пойду.

Решение не принесло облегчения, но стало точкой опоры. Плац встретил меня привычной тишиной и прохладным ветром. Я вдохнула полной грудью, будто сбрасывая с себя липкую паутину чужих слов и ожиданий, и направилась к стойке с оружием. Когда пальцы сомкнулись на рукояти ме-

ча, напряжение немного отступило. Здесь не было фальши, здесь всё было честно.

Я встала в стойку, выровняла дыхание и позволила телу двигаться так, как оно привыкло за годы тренировок. Каждый взмах клинка выбивал из головы сомнения, каждый выпад возвращал ощущение контроля. Я была по воздуху, по воображаемым противникам, по собственным страхам, пока мысли о вечеринке не отступили на задний план.

Пусть вечером мне придётся снова надеть улыбку и выйти к людям. Сейчас же я принадлежала только себе, своему гневу, своей силе и этому звону стали, который напоминал: что бы ни ждало меня дальше, я выдержу.

К тому моменту, когда солнце начало клониться к закату, я успокоилась. Тренировка забрала с собой остатки раздражения, оставив вместо него приятную усталость, от которой мышцы гудели, а мысли становились тише. Я отложила меч, провела ладонью по холодному металлу и позволила себе короткий выдох. Достаточно. На сегодня — достаточно.

В покои я возвращалась медленно, словно оттягивая неизбежное. Вечеринка всё ещё маячила где-то впереди, как испытание, к которому нельзя подготовиться ни клинком, ни заклинанием.

Комната встретила полумраком и тишиной. Я зажгла магический светильник, и мягкий свет скользнул по стенам, задержавшись на большом зеркале. Несколько мгновений я просто смотрела на себя — растрёпанную, с лёгкими сле-

дами усталости под глазами, слишком настоящую для придворных залов и слишком живую для роли ледяной принцессы вампиров.

— Ну что ж, Алисия, — тихо сказала я своему отражению, криво усмехнувшись. — Попробуем.

Я открыла шкаф и на мгновение замерла, прежде чем достать платье, которое долго не решалась надеть. Вызывающе восхитительное, глубокого бордового оттенка, созданное лишь для одной цели — заявить о себе. Тонкая ткань струилась между пальцами, холодная и послушная, а вышивка по корсету отливала едва заметным серебром, словно ночное небо, усыпанное звёздами.

Когда платье оказалось на мне, я снова подошла к зеркалу — и на этот раз не узнала себя сразу. Оно подчёркивало всё, что я привыкла скрывать: тонкую талию, прямые плечи, изящество, выточенное годами дисциплины. Глубокий вырез был смелым, но не вульгарным, а открытая спина заставила меня нервно сглотнуть.

Я собрала волосы, позволив нескольким прядям свободно спадать вдоль лица, и добавила лишь минимум украшений — тонкое кольцо и серьги с тёмными камнями. Больше было не нужно.

Немного подумав, я достала флакон с парфюмерной водой и нанесла на кожу пару лёгких капель. Аромат медленно раскрылся тёплыми нотами амбры и ванили, переплетёнными с бархатной розой и лёгким аккордом специй. Он был глу-

боким, вечерним и притягательным, словно приглушённый свет свечей, окутывающий меня ощущением тайны и уверенной женственности.

Когда я в последний раз взглянула в зеркало, в груди что-то дрогнуло. На меня смотрела не испуганная вампирша и не чужая среди живых. На меня смотрела девушка, способная заставить зал замолчать.

И с этой мыслью я расправила плечи, сделала глубокий вдох и вышла из комнаты, готовая встретить то, что ждало меня впереди.

Музыка встретила меня ещё в коридоре — приглушённая, тягучая, с вибрацией магии, от которой дрожали стены и воздух казался плотнее. Двери зала были распахнуты настежь, и за ними бурлила жизнь: смех, голоса, переливы света, отражающиеся в бокалах и драгоценных тканях. Я сделала шаг внутрь и на мгновение ослепла от этого изобилия красок и эмоций.

И почти сразу увидела его.

Каэл стоял у дальней стены, окружённый теми же беззаботными дворянами, которых я уже видела днём. Сегодня он выглядел иначе — не наследник трона за книгами, а нечто опасно-прекрасное и недостижимое.

Тёмная рубашка подчёркивала широкие плечи, а в глазах плясали отблески огня — драконьего, живого. Он улыбался, смеялся, и в каждом его движении было столько уверенности и свободы, что у меня перехватывало дыхание. Темный ан-

гел среди света и шума, слишком совершенный, чтобы быть настоящим.

Когда наши взгляды встретились, меня словно ударило молнией. Я инстинктивно отшатнулась и едва не подвернула ногу, несмотря на низкие туфли. Он смотрел прямо на меня — задумчиво, темно, и за этим взглядом скрывалось нечто мне незнакомое.

Я отвела взгляд первой. И тут же возненавидела себя за это.

— Ты выглядишь так, будто собираешься сбежать, — прозвучал рядом знакомый голос.

Летиция остановилась рядом и, не дав опомниться, всунула мне в руку бокал с жидкостью глубокого фиолетового цвета.

— Расслабься. — Она сладко улыбнулась и указала взглядом на бокал. — Любимый напиток эльфов. Почти безобидный.

«Почти» меня не обнадёжило, но спорить не хотелось. Вряд ли она дала мне яд перед кучей народа. Сделала глоток, и тепло мгновенно разлилось по горлу и груди, притупляя острые края мыслей. Второй глоток дался легче. Боль не исчезла, но стала тише, словно её накрыли плотной тканью. Мир вокруг смягчился, звуки стали глубже, а свет — теплее.

И всё равно я постоянно чувствовала его.

Сколько бы я ни отворачивалась, сколько бы ни пыталась сосредоточиться на чужих разговорах и чужих лицах, наши

взгляды снова и снова находили друг друга. Это происходило внезапно, будто кто-то тянул за невидимую нить: я поднимала глаза — и он уже смотрел. Иногда удивлённо, иногда настороженно, иногда с едва заметной тенью интереса, от которой сердце делало опасный кульбит. Мы тут же отводили взгляды, словно оба боялись задержаться на долю секунды дольше, чем позволено.

Я вышла на террасу почти машинально, спасаясь от духоты зала. Ночной воздух ударил в лицо прохладой, и я глубоко вдохнула, опираясь ладонями о каменные перила. Внизу мерцал внутренний сад, залитый мягким светом магических фонарей, а над головой раскинулось тёмное небо, усыпанное звёздами.

— Тоже решила сбежать? — раздался за спиной знакомый голос.

Я медленно выпрямилась, не оборачиваясь сразу, потому что уже знала, кто стоит позади.

Глава 22. Страсть и жажда

Каэл стоял в нескольких шагах от меня, чуть в стороне, оставляя между нами немного пространства. В полумраке террасы его черты казались резче, тени ложились на лицо, подчёркивая высокие скулы и тёмный блеск глаз. Он был слишком близко. И одновременно — всё так же недостижим.

— Здесь тише, — ответила я, удивляясь, как голос не дрогнул. — Из-за шума разболелась голова.

Он кивнул, будто понял больше, чем я сказала вслух, и тоже оперся о перила, глядя вниз. Мы молчали, вместе слушая шум ветра и далёкие звуки музыки, которые остались по ту сторону дверей.

Тишина между нами сгущалась, становясь почти осязаемой, словно её можно было рассечь клинком. Каэл стоял слишком близко. Настолько, что я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань платья, ощущала слабый пряный аромат магического напитка, смешанный с чем-то терпким, подраконьи диким и опасным.

Я выдохнула, чувствуя, как собственное сердце сбивается с ритма, словно пытаюсь вырваться из грудной клетки. Стоит мне только отступить хотя бы на шаг, и он тоже отступит, разрушив это мгновение. Но я не могла. Не сейчас. Не когда между нами так ясно пульсировало нечто большее, чем случайность или одурманивающее действие напитка.

Его взгляд скользнул по моим губам — медленно, неуверенно, словно он сам боролся с этим порывом, — а затем снова поднялся к глазам. Я видела: он не понимал, почему его тянет ко мне, почему рядом со мной сложно дышать и невозможно отвести взгляд. Магия ли, напиток эльфов или нечто большее — он и сам не знал, но изо всех сил сопротивлялся. Я понимала его чувства, ведь сама была такой же.

— Это... неправильно, — тихо сказал он, будто убеждая не меня, а самого себя.

Его голос был низким, чуть хриплым, и от этих слов внутри меня что-то болезненно сжалось.

— Тогда почему ты не уходишь? — так же тихо ответила, сама не узнавая собственный голос.

— Я не знаю, — признался он после паузы. — И это злит меня больше всего.

Я не нашла, что сказать. Да и любые слова сейчас казались лишними. Любая фраза разрушила бы этот хрупкий, опасный миг, в котором мы балансировали, словно на краю пропасти.

И тогда он сделал шаг.

Медленный, почти нерешительный. Его ладонь коснулась моей щеки — осторожно, бережно, будто он давал мне последний шанс отстраниться. Я чувствовала тепло его кожи, чувствовала, как дрожат пальцы.

Моё сердце сжалось от счастья так сильно, что стало больно.

— Скажи, чтобы я остановился, — прошептал Каэл.

Я могла бы. Наверное, должна была. Но вместо этого лишь покачала головой, и сама подалась вперёд.

— Если ты сейчас отступишь... — голос предательски сломался, но я заставила себя договорить, — значит, ты трус.

Он смотрел на меня ещё мгновение — долгое, мучительное, — а потом едва слышно выдохнул:

— Чертовка.

В следующий миг наши губы встретились.

Поцелуй оказался совсем не таким, каким я когда-то представляла его в наивных, девичьих мечтах. В нём чувствовалось больше горечи, чем сладости, больше жажды, чем нежности. Вкус магического напитка смешался с моим дыханием, делая поцелуй обжигающим, почти болезненным, но оторваться было невозможно. Он целовал меня так, словно боролся сам с собой, словно в этом поцелуе сходились в бою его долг и истинное желание.

На короткое мгновение мир исчез. Не стало Академии, предрассудков, титулов, ожиданий и страха. Были только мы, и наши чувства, рвущееся изнутри, как пламя, которому слишком долго не позволяли вырваться наружу.

— Алисия... — выдохнул он мне в губы, словно только сейчас позволил себе произнести моё имя, — ты путаешь все мои мысли.

От этих слов сердце зашло от счастья и страха одновременно.

Он отстранился первым. Его дыхание было тяжёлым, неровным. Каэл прижался лбом к моему лбу, и в этом простом жесте было больше признания, чем в любых словах.

— Если мы продолжим... — начал он и замолчал, будто не решаясь договорить.

— Я знаю, — тихо ответила я. — Но я не хочу останавливаться.

Он закрыл глаза всего на мгновение, словно принимая решение, а затем крепче сжал мою талию.

— Тогда пойдём, — сказал он просто.

Не отпуская его руки, я шла за ним по темным коридорам, не задавая вопросов и не оглядываясь, зная лишь одно: назад пути уже не существовало.

Дверь его комнаты за нами закрылась мягко, почти бесшумно, окончательно отрезая от музыки, смеха и чужих взглядов, весь внешний мир остался по ту сторону. Восторг после поцелуя лишал меня способности мыслить ясно, и не успела я сделать и шага, как почувствовала: что-то в нём изменилось. Будто последние сдерживающие границы рухнули в одно мгновение.

Каэл притянул меня к себе и поцеловал снова — уже иначе, глубже, требовательнее, с той дикой, первобытной страстью, которую невозможно спутать ни с чем. Так мог целовать только дракон, существо огня и силы, привыкшее брать, но в этом напоре не чувствовалось грубости — лишь жажда. У меня перехватило дыхание, а сердце забилося так быстро,

что я едва удерживалась на ногах.

Моё тело откликалось раньше разума. Душа дрожала от счастья, от почти невыносимой радости близости с Истинным. Это чувство накрывало с головой — древнее, глубокое, такое правильное, что казалось, будто весь мой путь вёл именно к этому мгновению. Его сильные ладони скользили по моей коже, тёплые, уверенные, с чуть шершавыми подушечками пальцев, оставляя за собой жаркие следы. От каждого прикосновения внутри разливалось сладкое напряжение.

Его губы коснулись моей шеи, задержались у пульса, словно он хотел почувствовать, как бешено бьётся мое сердце, затем медленно прошлись по ключицам, заставляя меня затаить дыхание. Я невольно подалась навстречу, зарылась пальцами в его волосы, мягкие и тёплые, словно боялась, что он исчезнет, если я ослаблю хватку. Каэл тихо выдохнул, почти с рыком, и это только сильнее отозвалось во мне.

И в этом полумраке, наполненном учащённым дыханием, теплом тел и невысказанными чувствами, я позволила себе поверить. Поверить, что, возможно, судьба всё-таки смиловилась надо мной. И что хотя бы сейчас, в этот миг, мы принадлежали друг другу без остатка.

Глава 23. Утро после

Утро наступило безжалостно быстро.

Простыни рядом со мной уже остыли, а в комнате стояла звенящая тишина. Я медленно приподнялась на локтях и увидела его.

Каэл стоял у окна, полностью одетый, высокий и неподвижный, будто высеченный из камня. Солнечный свет из окна ложился на его плечи и волосы, но не делал их теплее. Он не обернулся, даже когда я пошевелилась. И в этом было что-то неправильное.

— Каэл... — мой голос прозвучал тише, чем я ожидала, хрипло, уязвимо.

— Ты должна уйти, — сказал он спокойно, не глядя на меня. — Это было ошибкой.

Слова ударили сильнее пощёчины. У меня перехватило дыхание, словно кто-то резко сжал грудную клетку.

— Ошибкой?.. — переспросила я хрипло, садясь на край кровати. — Каэл, ты... ты же тоже чувствовал это. Ты не мог не чувствовать.

Он замолчал, и в этой паузе я успела ухватиться за надежду, как за последнюю соломинку.

Я поднялась с кровати, забыв о наготы, о гордости, о страхе. Сделала шаг к нему, потом ещё один.

— Мы истинные, — сказала я дрожащим, но упрямым

голосом. — Я чувствую тебя так же ясно, как собственное сердце. Ты ведь тоже...

Он резко обернулся. И тогда я увидела его глаза.

В них не было злости. Не было боли. Не было даже раздражения. Только пустота.

— Не смей, — его голос стал жёстче, холоднее. — Не придумывай сказки, Алисия. Ты не моя истинная.

Каждое слово выжигало меня изнутри, оставляя после себя пепел.

— То, что произошло, — продолжил он, — не должно было случиться. Я был не в себе. Напиток эльфов, усталость, ночь... — Он отвёл взгляд. — Это ничего не значит.

— Для тебя, — прошептала я.

— Уходи, — повторил он уже тише, но от этого не менее жестоко. — И перестань тешить себя иллюзиями, мы никогда не будем вместе.

В этот момент что-то во мне сломалось.

Я хотела закричать. Хотела схватить его за руку, заставить посмотреть на меня, почувствовать то же, что чувствовала я. Хотела напомнить ему, как дрожали его пальцы на моем теле, как он сам не отпускал меня. Но вместо этого я лишь медленно кивнула.

Гордость — последнее, что у меня осталось.

Я молча оделась, пальцы дрожали так сильно, что я едва справлялась с застёжками. Он больше не смотрел на меня.

— Ты можешь отрицать это сколько угодно, — сказала я

тихо. — Но от себя не убежишь.

Он не ответил.

Коридор встретил меня холодом каменных стен и утренней тишиной Академии. Я шла, не разбирая дороги, чувствуя, как внутри остаётся шрам — глубокий, кровоточащий, такой, что не заживёт быстро. Если вообще заживёт.

Я почти не помнила, как пришла на завтрак. Тело двигалось само, по привычке, отточенной годами дисциплины, а разум словно плыл где-то отдельно, в вязком тумане.

Большой зал гудел от шума. Студенты собирались группами, переговаривались, смеялись, обсуждали расписание. Я шла вдоль стены, стараясь ни на ком не задерживать взгляд, когда вдруг почувствовала знакомое напряжение — тонкий, болезненный укол, словно кто-то резко дёрнул за невидимую нить.

Я подняла глаза.

Каэл стоял у колонн. Безупречный, собранный, холодно-красивый. Такой же, каким он был утром. Таким, каким он, видимо, и хотел быть всегда.

Рядом с ним стояла Летиция.

Она что-то говорила, легко и непринуждённо, улыбаясь так, как умела только она — мягко, почти невинно, будто мир никогда не причинял ей боли. Затем, смеясь, она шагнула ближе и, словно между прочим, протянула руку, поправляя складку на его рубашке у плеча.

Я затаила дыхание.

Он мог бы отстраниться. Мог сделать шаг назад. Мог хотя бы нахмуриться.

Но он не сделал ничего. Он позволил ей.

Что-то во мне окончательно остановилось.

Холод разлился от груди к кончикам пальцев, медленный и беспощадный, вытесняя последние остатки боли и надежды. Я вдруг поняла, что больше не чувствую ничего — ни ревности, ни обиды.

Ничего.

Летиция первой заметила меня. Наши взгляды встретились, и в её глазах мелькнула ехидная искорка. Она убрала руку нарочито медленно, наслаждаясь каждой секундой этого представления. Всё уже было сказано без слов.

Я опустила взгляд и пошла дальше, ровно, спокойно, будто внутри меня не было выжженного поля.

В тот момент моё сердце перестало ждать.

Я всё ещё отдалённо ощущала его руки на своём теле. Но теперь к этому воспоминанию примешивалось другое чувство, липкое и горькое, похожее на отвращение — не к нему даже, а ко всей этой ситуации, к собственной доверчивости, к ночи, которая ещё совсем недавно казалась мне спасением.

Ещё несколько часов назад он был другим. Тёплым. Внимательным. Его прикосновения были неспешными и бережными, словно он действительно боялся причинить мне боль. Он шептал тихие слова, от которых у меня дрожало сердце, укрывал меня собой, будто хотел защитить от всего мира, и в

тот момент я позволила себе поверить, что между нами есть нечто большее, чем случайность или слабость. Я чувствовала его заботу кожей, дыханием, каждым взглядом, и мне казалось, что именно так и должна ощущаться истинная связь.

А теперь — теперь я видела его рядом с Летицией, этой вечно улыбающейся плутовкой, которая так легко касалась его рубашки, так уверенно вторгалась в его пространство, и он позволял ей это.

В голове, помимо боли, снова всплывали образы моей смерти. Костёр. Жар, пожирающий кожу. Крики, в которых никто не слышал правды. Его взгляд тогда — не яростный, не ненавидящий, а равнодушный. Самый страшный из всех.

Почему он не чувствует меня? Или чувствует — и всё равно отворачивается? Я же видела, что его тянет ко мне, что рядом со мной ему трудно дышать и невозможно думать ясно. Я видела эту борьбу в его глазах, ощущала её в каждом поцелуе ночью. И всё же после этой восхитительной, почти спасительной близости он без колебаний разбил мне сердце.

Но самое страшное было даже не в этом.

Самое страшное — что тогда, в прошлой жизни, он тоже доверился Летиции. Поверил её словам и слезам. И именно по её указке меня сожгли на костре, заклеив безумной преступницей, чудовищем, угрозой миру. Не выслушав. Не усомнившись. Не попытавшись понять.

И сейчас все повторялось.

Глава 24. Предательство любви

Я не стала больше тратить силы и время на попытки понять или достучаться до того, кто однажды уже выбрал не меня. А переключилась на учёбу с фанатизмом, который пугал даже меня саму.

Лекции, практики, дополнительные задания — всё, что раньше казалось тяжёлым или изматывающим, теперь стало убежищем. Я приходила в библиотеку первой и уходила последней, не обращая внимания на усталость, на шёпот за спиной, на настороженные взгляды Летиции. Моё внимание больше не рассеивалось. Оно было сосредоточено на поиске правды.

Официальной программы обучения мне было мало.

Настоящая работа начиналась ночью, в глубине библиотеки, куда не доходил ни шум Академии, ни чужие любопытные глаза.

Некромантия. Ритуалы воскрешения. Трактаты о цене бессмертия.

Я читала всё.

Сидела на полу, окружённая фолиантами, которые не предназначались для юных принцесс и прилежных студентов. Их страницы были исписаны кровавыми чернилами, формулы — сложны и извращённо прекрасны, а примечания на полях оставляли ощущение, будто авторы платили за свои

открытия слишком высокую цену.

Я долго не могла понять, с какого именно момента библиотека перестала быть просто хранилищем знаний и превратилась для меня в живое существо — внимательное, терпеливое, опасное. Возможно, всё началось в ту ночь, когда я впервые осмелилась углубиться туда, куда даже преподаватели предпочитали не заглядывать без крайней необходимости.

Запретный уровень не имел ни табличек, ни предупреждений. Только едва заметное искажение воздуха, словно само пространство не желало впускать случайных гостей. Я остановилась перед невидимой границей и закрыла глаза, позволяя Тьме внутри меня подняться.

— Я ищу истину, — прошептала почти беззвучно. Я и сама не знала, зачем это сделала. Но интуиция подсказывала — так надо.

Чары дрогнули. Не рассеялись — нет, — но раздвинулись, признавая во мне нечто родственное. Я шагнула вперёд, и мир будто стал тише, плотнее, словно библиотека прислушивалась к каждому моему вдоху.

Свет здесь отличался от того, к которому я привыкла. Магические сферы горели тускло, отдавая багрянцем, а тени между стеллажами казались слишком глубокими, слишком осмысленными. Книги стояли неровно, некоторые были прикованы цепями, другие — опечатаны печатями давно исчезнувших королевств. Я шла медленно, пальцами скользя по

корешкам, и с каждой секундой ощущала всё более отчётливое покалывание под кожей, будто кто-то смотрел на меня изнутри полок.

И тогда я почувствовала зов крови.

Он был тонким, настойчивым, почти ласковым. Сердце пропустило удар, а потом забилось быстрее, отвечая на этот безмолвный призыв. Я повернула в узкий проход между двумя стеллажами, где пыль лежала толще, чем где-либо ещё, и воздух был холоднее, словно здесь никогда не ступала нога живого.

Книга не выделялась.

Станным образом это напугало меня до дрожи в коленках.

Ни золота, ни драгоценных камней, ни угрожающих печатей. Тёмный, почти чёрный переплёт без названия, без символов, лишь едва заметные прожилки, напоминающие высохшие вены. Она стояла чуть в стороне, словно её нарочно убрали от остальных, но при этом оставили на виду, для тех, кто сможет её услышать.

Я протянула руку и замерла в паре сантиметров от обложки.

В голове вспыхнули образы — не мои воспоминания, а чужие: алые круги ритуалов, крики, обрывающиеся на полуслове, пламя, пожирающее плоть, и холодное, почти благоговейное чувство завершённости. Меня охватил первобытный страх, но под ним — странное, пугающее узнавание.

Такие же чувства и эмоции, как и при моей смерти.

— Значит, это ты... — прошептала я, и голос предательски дрогнул.

Книга ответила.

Не словами — ощущением. Тяжестью в ладонях, жаром под кожей, вибрацией, будто внутри неё билось сердце. Когда я всё же коснулась переплёта, меня пронзило осознание: она не просто хранила знания. Она выбирала, кому их отдать.

Обложка была тёплой. Почти живой.

— Я заплачу цену, — сказала я тихо, уже понимая, что обратного пути нет. — Какую бы ты ни потребовала.

Тишина вокруг сгустилась, и мне показалось, что тени между стеллажами приблизились, склонившись, как свидетели.

Я готовилась к боли, ждала наказания за то, что лезу куда не следует, но книга разрешила себя открыть.

И той же ночью я заплатила за знания — душевной болью, что разорвала моё сердце в клочья.

Я узнала, что великое воскрешение — не чудо и не дар богов, как любят рассказывать в легендах. Это процесс. Долгий. Жестокий. Требующий не просто силы, а жертв.

Множества жертвенных душ, собранных на протяжении лет, а иногда и десятилетий.

Но самое страшное я прочла, когда пальцы уже онемели от холода, а глаза жгло от бессонницы.

Последний элемент ритуала назывался — «Предательство любви». Без него ритуал считался невозможным.

Я перечитала это название несколько раз, не сразу осмелившись углубиться в текст, будто сами слова могли укусить.

«Для завершения ритуала требовалось убийство души с великой магией совершённое её же Истинным».

Я перечитала этот абзац несколько раз, прежде чем до меня дошел весь ужас происходящего.

В горле встал колючий ком, но на удивление глаза остались сухими.

Теперь всё встало на свои места.

Моя смерть не была следствием истерии толпы или политической необходимости. Она не была даже предательством в привычном смысле. Она была последним штрихом. Завершающим ритуальным актом в чьём-то чудовищном, тщательно выверенном плане. А Каэл... Каэл был не просто палачом.

Он был ключом.

Я закрыла книгу, прижав ладонь к груди, будто могла удержать сердце, которое отчаянно рвалось наружу. Если это правда — а я чувствовала, что это именно так, — значит, меня убили не потому, что я была опасна. Меня принесли в жертву, чтобы воскресить другую душу. Просто расходный материал.

И если богиня дала мне второй шанс, то точно не для того, чтобы я снова стала жертвой.

Я узнаю, кто стоял за этим ритуалом. Я узнаю — как и почему.

Даже если правда окажется страшнее самой смерти.

Глава 25. Слухи

Его руки на моём теле ощущались чем-то необходимым, почти жизненно важным, именно в них я находила то тепло, которого мне всегда не хватало. Я чувствовала каждое его движение слишком остро, слишком сильно, словно моя кожа стала тоньше, а сердце — уязвимее.

Каэл смотрел жадно и отчаянно, словно хотел запечатлеть всё до последней детали — линию губ, изгиб плеч, тень ресниц. Словно боялся, что стоит ему моргнуть, и я исчезну, растворюсь, как сон или иллюзия. В его ярких, нереально голубых глазах отражалась не просто страсть, в них было что-то дикое, первобытное, такое сильное, что от одного этого взгляда у меня перехватывало дыхание.

Наши руки снова и снова находили друг друга, мы оба искали подтверждение, что это действительно происходит, что это не очередная игра воображения.

— Ты... моя, — прошептал он едва слышно, так тихо, что эти слова прозвучали скорее как признание самому себе.

От этого шёпота внутри всё сжалось. Я хотела ответить. Хотела сказать, что чувствую то же самое, что его присутствие делает мир вокруг ярче и безопаснее, что рядом с ним исчезает холод, страх и одиночество. Хотела признаться, что моё сердце бьётся в такт его дыханию.

Сказать, что я больше не хочу и не могу жить без него.

Но слова так и не сорвались с губ.

Потому что в следующий миг я проснулась.

Резко, словно меня выдернули из сна за нить, натянутую между двумя реальностями.

В комнате царила тишина. Сквозь высокое окно пробивался утренний свет, ложась бледными полосами на каменные стены. Его не было. Не было тепла, не было рук, не было взгляда. Только подушка рядом — холодная и пустая.

Я медленно села, прижимая ладонь к груди. Сердце билось слишком быстро для обычного сна.

— Всего лишь сон... — пробормотала я, но голос прозвучал неуверенно, будто я сама в это не верила.

Собиралась я на автомате. Умылась, заплела волосы, надела форму, проверила сумку с конспектами. Движения были привычными, отточенные годами, но мысли всё ещё цеплялись за остатки сна, за ощущение его присутствия, слишком реального, чтобы быть вымыслом.

В столовой было шумно. Длинные столы гудели от студенческих голосов и звона чашек. А от запаха свежего хлеба и терпкого чая сразу разжигался аппетит.

Только я собиралась взять поднос, как меня отвлекли приглушённые голоса рядом. Я тут же забыла, что хотела сделать, и прислушалась — их разговор зацепил меня с первых же слов.

— Ты слышала? Ещё одно тело нашли этой ночью.

— Да конечно слышала! Представляешь, мой папа был

на месте преступления, и он рассказал мне, — тут одна из сплетниц немного понизила голос, — что там обнаружили ритуальные знаки.

— Да ты что?! — другая не удержалась и воскликнула, а затем тем же заговорщицким тоном продолжила: — А мой старший брат говорит, что на месте преступления было очень мало крови. Словно душу вырвали из тела. Жуть какая!

Я замерла.

Желудок неприятно сжался, а внутри медленно поднималось знакомое, холодное чувство.

Опасность была рядом.

С каждым днём слухи распространялись всё дальше и глубже. Сначала это были обрывки разговоров за завтраком, нервные смешки и недосказанные фразы, затем — обеспокоенные лица преподавателей и всё более частые патрули стражи у городских ворот. О странных, ритуальных убийствах говорили уже не шёпотом, а вполголоса, с опаской, словно сами слова могли привлечь беду.

Говорили о маге, найденном в переулке без единой раны, но с полностью выжженной аурой. О ведьме, исчезнувшей по дороге из лавки домой — от неё остался лишь круг символов на камнях мостовой. О телах, возле которых магические кристаллы начинали трескаться, не выдерживая присутствия чего-то слишком древнего и тёмного. И каждый раз повторялось одно и то же: не просто смерть, а опустошение,

словно из тела вырвали саму душу.

Все это пугало до дрожи.

Чем больше я слышала, тем яснее понимала: это не случайность.

Каждое слово, каждая деталь слишком точно совпадали с тем, что я читала ночами в запретных разделах библиотеки. Те же символы. Те же следы магии. Та же формулировка: «жертвенная душа с высоким магическим потенциалом».

Иногда мне казалось, что сама Академия изменилась. Стены, ещё недавно казавшиеся величественными и безопасными, теперь выглядели как декорации, за которыми скрывается нечто гораздо более опасное. Воздух будто пропитался тревогой, которую невозможно было рассеять ни смехом, ни музыкой, ни притворным спокойствием.

Особенно остро я чувствовала это из-за странного отсутствия Каэла. Его уже несколько дней не было видно ни в залах, ни на лекциях, ни во внутреннем дворе, а его друзья ходили непривычно задумчивыми и серьёзными. Преподаватели же словно нарочно избегали любых разговоров о нём, и это молчание пугало сильнее любых слухов.

В тот день я просто хотела быстрее дойти до аудитории и не попасться на глаза группе студентов, которые уже несколько дней отпускали в мою сторону язвительные шуточки про «кровососов» и «ночных тварей». Увидев их в конце коридора, я машинально свернула в боковую нишу между колоннами и притворилась, что рассматриваю ста-

ринный гобелен.

И именно тогда услышала голоса.

Два профессора стояли всего в нескольких шагах от меня, не подозревая, что их разговор кто-то может подслушать. Профессора Голдвин и Кроул. Голдвин преподавал контроль магии и был моим любимым преподавателем — человеком внимательным и справедливым. А вот Кроула ненавидела, кажется, вся Академия. Он вёл невероятно скучные лекции по сотворению мира и постоянно позволял себе унижительные выпады в адрес студенток.

— Поговаривают, что наследник лично ведёт расследование. — Профессор Кроул брезгливо сморщился, и в его голосе зазвучало старческое брюзжание: — И о чём только думает Император, доверяя такое серьёзное дело этому незрелому юноше?

— Вы уверены, что речь идёт именно о том самом ритуале? — будто не слыша язвительного тона собеседника, спросил профессор Голдвин. Его беспокойство выдавало встревоженное лицо со сведёнными бровями и руки, которые не могли найти себе места.

— Конечно, уверен! Я столько лет занимался исследованиями в этой области, а ты ещё смеешь сомневаться? — Кроул аж покраснел от злости и, повысив голос, продолжил: — Я уверен, что это ритуал Воскрешения, так же твёрдо, как в том, что небо синее!

Голдвин, смутившись от такой исповеди, неловко кашля-

нул и поспешно перевёл разговор на что-то более лёгкое и обыденное: на расписание занятий, на капризы ректора, на то, как студенты в этом году слишком рано начали жаловаться на нагрузку. Кроул охотно подхватил эту тему. Разговаривая вполголоса, они медленно двинулись в сторону оживлённого коридора, где уже слышались шаги и смех студентов.

Когда их фигуры скрылись за поворотом, я ещё несколько секунд стояла неподвижно, не в силах пошевелиться. Сердце всё ещё билось слишком быстро, но страха, вопреки ожиданиям, не было. Вместо него внутри разливалась странная, холодная ясность.

— Значит, ты собираешь души... — прошептала я в пустоту, и собственный голос показался мне чужим, слишком тихим и надломленным.

В прошлой жизни всё началось гораздо позже. Сейчас же кто-то ускорил ход событий.

Моё появление в Академии определённо что-то изменило. Я, сама того не ведая, вмешалась в чужой тщательно выстроенный замысел и нарушила его. И теперь они не могли больше ждать.

Мысль была пугающей. И безумной.

Я прекрасно понимала, насколько это опасно — лезть туда, где исчезают маги, где за одну ночь рушатся судьбы. Любой здравомыслящий человек держался бы подальше. Любая нормальная принцесса спряталась бы за спинами стражи и советников.

Но я не была ни нормальной, ни наивной.

Я уже знала, чем заканчивается послушание и бездействие.

Слишком хорошо помнила вкус дыма в горле, жар костра под ногами и чужие глаза, в которых не было ни капли сомнения, когда меня называли убийцей.

Я должна сама включиться в расследование, иначе слишком велик риск, что история повторится — и виновной снова сделают меня.

И потому мысль пробраться на место преступления больше не казалась мне безумием. Она казалась необходимостью. Единственным шансом понять, кто стоит за всем этим. И, возможно, наконец-то увидеть лицо того, кто в прошлой жизни отдал приказ сжечь меня заживо.

Когда я в последние дни наблюдала за Летицией, эта мысль окончательно оформилась.

Она не была кукловодом. Как бы ни старалась выглядеть уверенной, как бы ни играла в интриги и сочувствие, в её движениях сквозила неуверенность. Она дергалась, оглядывалась, говорила слишком осторожно, словно постоянно боялась сказать лишнее.

Летиция была лишь пешкой.

А значит, где-то рядом находился тот, кто двигал фигуры. Кто был действительно силён.

Глава 26. Ритуал

Все часы, проведённые в пыльных залах библиотеки, всё-таки не прошли даром. Чем глубже я погружалась в собственное расследование, тем яснее понимала: если я хочу попасть на место преступления и узнать хоть что-то реальное, а не довольствоваться слухами и обрывками разговоров, мне нужен способ отследить магические всплески.

И такой способ я нашла.

Точнее... он нашёл меня.

— Восхитительно, — пробормотала я себе под нос, глядя на книгу, лежащую у моих ног.

Она была отвратительной. Во всех смыслах. Обложка была из человеческой кожи, а от самой книги исходил тяжёлый, сладковато-гнилостный запах, настолько сильный, что вокруг неё даже висели специальные чары.

Она упала мне прямо на голову, будто её кто-то нарочно сбросил с верхней полки.

Мои бабочки, обычно спокойно парившие вокруг, тут же встрепенулись. Их крылья потемнели, движения стали резкими и тревожными — они чувствовали искажение магии от неё так же остро, как и я.

Обычно бабочки оставались в моей комнате, пока я была на занятиях. Слишком опасно было показывать их другим — слишком редкие, слишком необычные. Я не могла позво-

лить, чтобы кто-то начал интересоваться, откуда они у меня.

Но в библиотеке всё было иначе.

Здесь, среди высоких стеллажей, вековой пыли и тишины, я была одна. И именно здесь бабочки позволяли себе вылетать из укрытий, кружить рядом со мной, тихо мерцать в полумраке и садиться мне на плечи, на запястья, на страницы раскрытых книг. Они не мешали — наоборот, их присутствие успокаивало.

— Из всех возможных книг в запретной секции именно эта должна была свалиться мне на голову, — пробормотала я, осторожно отступая на шаг.

Я огляделась по сторонам. Вокруг — ни души.

Не иначе как «помощь» богини. Или её весьма специфическое чувство юмора.

С чарами пришлось возиться долго. Они были сложными, многослойными и явно рассчитанными на то, чтобы отводить даже самых упрямых искателей знаний.

Бабочки кружили рядом, старались успокоить. Их присутствие помогало — мягкая, родная магия немного подавляла тьму от книги.

Когда защита наконец поддалась, страницы раскрылись сами собой.

Текст был написан густыми тёмными чернилами, в которых чувствовалась не просто магия, а что-то живое, пульсирующее. Слова словно шевелились, меняя форму, подстраиваясь под читателя.

И ритуал я нашла почти сразу.

С его помощью можно было отследить всплески мощной магической активности, особенно связанные с ритуалами, жертвоприношениями и искажениями потоков энергии. Именно то, что мне было нужно.

Но была одна деталь.

Ритуал можно было провести только с помощью магии крови.

Я замерла на несколько секунд, чувствуя, как внутри поднимается знакомая смесь тревоги и азарта.

Магия крови была моим коньком. Моей стихией. Я владела ею настолько филигранно и точно, как мало кто в королевстве.

И всё же даже мне от ритуала было не по себе.

Но я решилась. Это была замечательная возможность наконец сдвинуться с мёртвой точки.

Провела ритуал прямо там, в глубине запретной секции. Капля крови на кончиках пальцев засветилась тёмным, густым светом, и магия разлилась по венам холодной волной.

Это было неприятно и очень затратно. Словно кто-то медленно выкачивал из меня жизнь, оставляя внутри пустоту и дрожь. Колени едва не подкосились, и я машинально оперлась на стеллаж.

Но всё было не зря.

Я действительно почувствовала всплески.

Пространство вокруг словно зазвенело, наполнилось от-

голосками чужой силы. Магия тянулась нитями куда-то вдаль, за пределы библиотеки, за стены Академии.

Я закрыла глаза, стараясь уловить направление, суть, источник.

И почти сразу поняла: не то.

Энергия была мощной. Древней. Тёмной. Но не той, что мне нужна. Это были лишь фоновые следы — старые эксперименты, забытые заклинания, остаточные искажения магических потоков.

Бабочки медленно успокоились, их крылья снова засветились мягким светом.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как дрожат руки.

Метод работал. А значит, следующий настоящий всплеск я не пропущу.

Воздух вокруг ещё дрожал от остаточной магии, тонкой, вязкой, как паутина, а бабочки беспокойно металась у меня над плечами, когда я вдруг почувствовала чужое присутствие. Не шаги — их здесь почти не было слышно, — а именно ощущение силы, тяжёлой, горячей, как раскалённый металл под кожей.

Я не успела даже закрыть книгу, как следующее, что я поняла, — это то, что мою руку сжали.

Резко. Жёстко. Так, что пальцы свело болью.

— Что ты здесь делаешь, вампирша? — голос Каэла прозвучал прямо над ухом, низко и опасно. — Ты хоть понимаешь, куда залезла?

Я резко обернулась, но он стоял уже слишком близко и, не давая мне отступить, притянул чуть ближе к себе. Его пальцы сомкнулись вокруг моей шеи, не оставляя ни малейшего шанса вырваться.

Мы стояли вплотную.

Я чувствовала тепло его тела сквозь ткань мантии, ощущала дыхание у своего виска — горячее, напряжённое, и этот запах... дым, пепел и что-то дикое, драконье, от чего сердце предательски сбилось с ритма.

— Ты в последнее время слишком много интересуешься запретными вещами, — продолжил он, и в голосе теперь звучала не только злость, но и подозрение. — Некромантия. Ритуалы. А теперь я застаю тебя здесь.

Он наклонился ближе, и его голубые глаза вспыхнули холодным светом.

— Ты работаешь на того, кто стоит за убийствами?

Эти слова задели меня куда сильнее, чем я ожидала. Я смотрела на него и с болезненной ясностью понимала: он действительно подозревает меня, верит, что я могу быть связана с этим кошмаром.

И от этого становилось особенно горько.

Бабочки тревожно вспорхнули, закружили вокруг нас, оставляя в воздухе слабые светящиеся следы. Это немного отрезвило меня.

Я выдохнула.

Медленно. Почти спокойно.

И решила больше не врать, рассказать ему правду, ведь я так устала тянуть все в одиночку.

— Я ищу того, кто хочет, чтобы ты меня убил.

Он замер.

Хватка чуть ослабла, но он всё ещё держал меня.

— Что ты сказала? — тихо, почти спокойно произнес он.

— В прошлой жизни ты уже это сделал, Каэл, — прошептала я, почти не узнавая собственного голоса. — И сейчас всё повторяется.

— Ты бредишь. Это невозможно. Перерождение, перемещение во времени... это всё сказки для первокурсников.

— Я тоже так думала, — тихо ответила. — Но это действительно произошло. Я умерла... и вернулась на пятьдесят лет назад.

Я запнулась, потому что воспоминания оказались слишком болезненными, а его присутствие рядом только ухудшало ситуацию.

— Ты приказал сжечь меня на костре, — всё-таки прошептала я. — Как безумную преступницу. Как чудовище, от которого нужно очистить Империю.

Он смотрел на меня так, словно я говорила на чужом языке. И всё же в его глазах что-то менялось — едва заметно, словно какая-то часть его уже чувствовала правду, но он изо всех сил не позволял себе её принять.

— Это ложь, — сказал он глухо. — Я бы не...

— Ты уже это сделал, — перебила я, шагнув ближе. — И

знаешь, что самое страшное? Я до последнего верила, что ты почувствуешь, что ты поймёшь, что между нами есть связь. Что ты — мой Истинный.

Он вздрогнул, словно от пощёчины.

— Ты убил меня, я не сумасшедшая! — продолжила я, больше не пытаясь сдерживаться, и голос сорвался почти на крик. — Я до сих пор по ночам чувствую запах гари, и боль от твоего пламени. Даже если ты не веришь мне, тебе придётся поверить, потому что именно я — ключ. Именно моя смерть от твоей руки завершает ритуал.

— Ты правда ждёшь, что я в это поверю? — спросил он, и теперь в его голосе звучало уже не раздражение, а растерянность. — Что я... убийца?

— Я жду, что ты хотя бы задумаешься.

Я смотрела на него, и внутри смешались злость, боль, отчаяние и какая-то безнадёжная, упрямая любовь, от которой невозможно было избавиться.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один.

И в этот момент что-то во мне окончательно надломилось.

Я подошла к нему сама и, не давая ни себе, ни ему времени на раздумья, резко притянула к себе за ворот мантии и поцеловала.

Не нежно. Не осторожно.

Со злостью. С болью.

В этом поцелуе было всё: моя ярость, моя тоска, память о прошлой жизни и страх перед будущим. И ещё — послед-

няя попытка доказать не словами, а сердцем, что между нами действительно есть нечто большее, чем подозрения, ритуалы и чужая ложь.

Дорогие читатели!

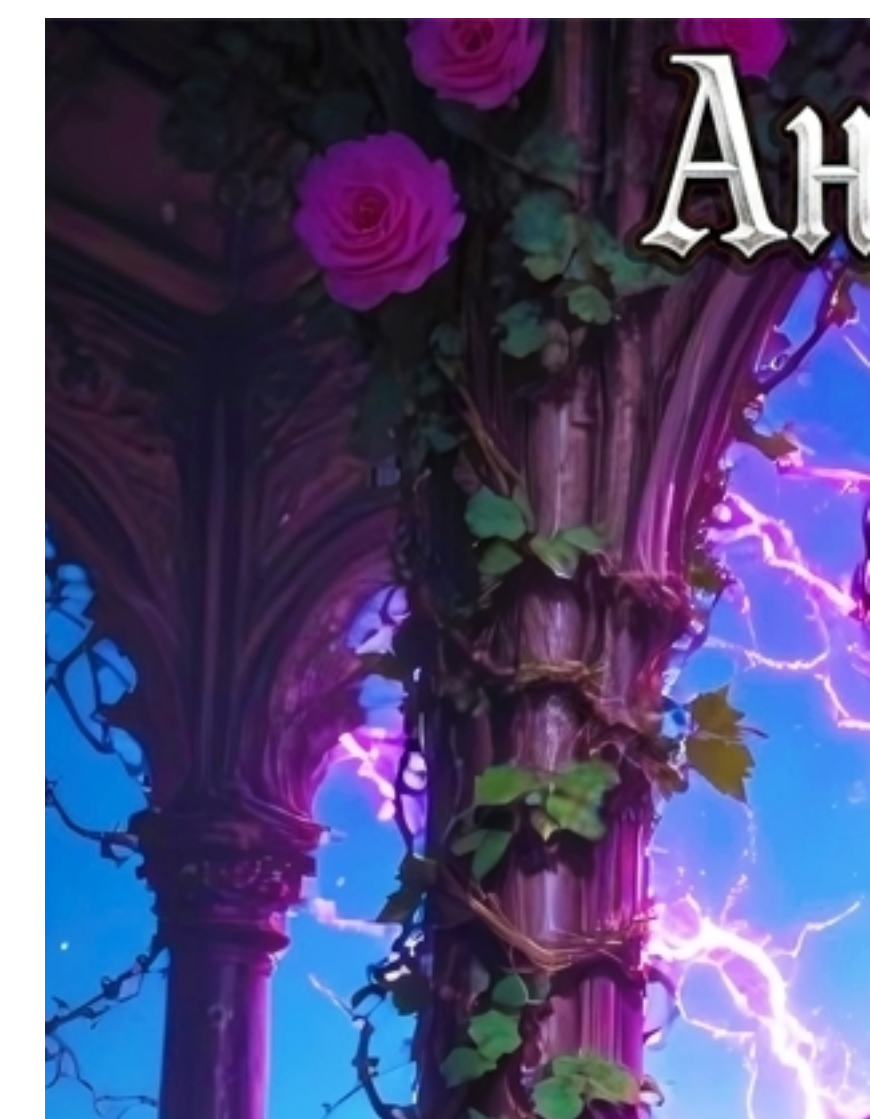
Спасибо, что нашли время для моей истории! ♥###

Советую вам также оценить мою новинку!

Влюбить в себя дракона злодея

<https://litnet.com/shrt/Sxwu>

Ан

Глава 27. Хаос

Поцелуй не был нежным, скорее отчаянным, почти жестоким, словно мы не тянулись друг к другу, а сражались. В нём не было робости или осторожности, только накопившаяся боль, злость, страх и то, что невозможно выразить словами. Я целовала его так, словно это был единственный способ докричаться, достучаться до него сквозь пустоту в его взгляде и стену сомнений.

К моему удивлению, Каэл не оттолкнул меня. Наоборот — его руки сжались на моей талии, притянув ближе, резко, будто и в нём что-то сорвалось

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.